PETER BOŠKO

На пути к лучшему обществу

Мой личный путь к идее Видимых денег

Содержание

1 Введение....3
2 Я осознаю, что осознаю — я тот, кто есть....4
3 Небо над Клокочиной....8
4 Серафина....9
5 Раннее детство....10
6 Религиозное воспитание....11
7 Гимназия и ясное направление будущей карьеры....11
8 Первый год в гимназии....13
9 Похороны матери отца....14
10 Первые проекты по программированию....16
11 Экономический университет....18
12 Лето в Америке....22
13 Первое знакомство с идеей «Видимых денег» — книги Нила Доналда Уолша....24
14 Работа в QBSW — проект государственного казначейства....27
15 Разговор с Хильдой....28
16 Med-art — альтернативная гражданская служба и публикация статьи....30
17 Распятие....32
18 Прага....33
19 Отпуск в Индии....35
20 Ирландия....37
21 Sony и автомобильная авария....37
22 Возвращение в Прагу....38
23 Infostat и проект для Eurostat....38
24 Долгая дорога домой из Люксембурга....40
25 Работа в компании, предлагавшей форекс-роботов....41
26 Субсидия на покупку автомобиля....42
27 Работа в корпорациях....43
28 Представление проекта «Видимые деньги» в его нынешнем виде....45
29 Блокчейн-функции проекта....48
30 Защита проекта от любых злоупотреблений, прежде чем он станет основой общества....49
31 Президентские выборы....51
32 Политические амбиции....52
Первый столп — здравый смысл....52
Второй столп политической партии — глубокая прозрачность....53
Третий столп — глобальный масштаб....53
33 Фрагменты личного блога....55
Diebus solitudinis....55
Катка Кнехтова — Spomaľ — необычный диалог....55
3 фундаментальных вызова современному человечеству и мой ответ на них....56
Как действует карма....60
Размышление о том, почему Вселенная должна быть конечной....61
Архитектура системы «Видимые деньги» (VP) — первая прозрачная банковская система, защищённая блокчейном 1....63

1 Введение

Задача этого текста — рассказать о моём личном пути к идеям проекта «Видимые деньги». Написанный в свободной форме, он описывает мой жизненный путь — от отдельных событий раннего детства до сегодняшнего дня. В него часто вплетаются мысли и размышления, в том числе о самом смысле жизни и природе бытия, которые мне лишь изредка встречались у других авторов, хотя, на мой взгляд, они заслуживают более обстоятельного разговора. Я писал так, чтобы текст нравился и мне самому, поэтому кое-где он, возможно, необъективен. Возникал он довольно стихийно: поначалу задумывался значительно шире, но в итоге его содержание сузилось. И всё же некоторые отрывки, которые могут показаться лишними, остались — просто потому, что мне нравились. Местами, чтобы придать тексту драматизма и динамики, я прибегал к помощи искусственного интеллекта — впрочем, читатель, вероятно, легко это заметит. Желаю вам вдохновляющего чтения, которое поможет понять мои побуждения и причины, по которым я считаю, что общество может и должно жить немного иначе — эффективнее в экономическом отношении и вместе с тем лучше, человечнее в отношениях между людьми.

2 Я осознаю, что осознаю — я тот, кто есть

Мыслю, следовательно, существую. Три простых, коротких и всем известных слова. Но по своему смыслу эта фраза уникальна для того, кто её произносит. Ведь с его точки зрения она истинна на 100 %. Что значит — истинна на 100 %? Это значит, что во Вселенной, где действуют основные логические операции, такие как импликация, подобное высказывание необходимо истинно при любых обстоятельствах.

Если тот, кто это утверждает, действительно мыслит, то он существует. Если же утверждающий — всего лишь иллюзия, а не реальное мыслящее существо, импликация всё равно остаётся верной.

Но как можно проверить предпосылку этой импликации — то есть убедиться, что утверждающий действительно мыслит? Извне — никак. Проверить эту предпосылку со 100-процентной достоверностью можно лишь изнутри того, кто произносит эти слова. Только тот, кто наблюдает собственное мышление, может с вероятностью 100 % знать о себе, что он мыслит. Он переживает это внутри себя. Сам акт переживания, происходящий в сознании какого-либо существа, — глубочайшая сущность бытия существ как такового.

Когда я задумался, существуют ли ещё высказывания, которые с точки зрения самого говорящего, субъекта, достоверны на 100 %, мне пришло в голову одно, заключающее в себе, как мне кажется, тайну сущности жизни и осуществления её смысла. **Я осознаю, что осознаю.** На мой взгляд, оно проникает в самую сердцевину бытия гораздо глубже, чем фраза Декарта. Ведь у Декарта осознание лишь косвенно подразумевается в начале, а дальше посредством импликации утверждается то, что необходимо признать. Фраза же «Я осознаю, что осознаю» не отходит от восприятия как своей центральной темы: она рекурсивно подчёркивает сам акт осознания. И, утверждая процесс, который я считаю ключевой сущностью и смыслом жизни, — самим его утверждением, признанием и провозглашением — осуществляет этот смысл.

Ведь когда кто-то утверждает, что осознаёт, и даже осознаёт то, что осознаёт, он, по сути, говорит: я подлинное живое существо, которое, так сказать, только что воспользовалось правом на самоопределение и заявляет, что испытывает наслаждение от акта самоосознания.

Словно сама жизнь произнесла собственное имя. Словно субъект ощутил вкус того, что невозможно выразить словами. Чистого присутствия. Чистого бытия. Величайшей тайны. Самого смысла жизни.

И переживание этого наслаждения, на мой взгляд, и есть высший смысл жизни. В сущности, он отчасти воплощён в любом удовольствии, которое испытывает существо. Когда, например, утоляется голод или удовлетворяется какая-либо другая потребность, акт самоосознания всегда неявно присутствует.

В силе 100-процентной достоверности того, что человек существует и осознаёт себя, по-моему, заключена сущность эгоизма. Любое существо всегда действует по правилу «сначала я». Даже те, кого считают альтруистами, в действительности поступают эгоистично. Просто их система ценностей устроена так, что собственное выживание может быть для них менее важно, чем, например, помощь другим или следование какой-либо идее. Принцип эгоизма никуда не исчез — он лишь скрыт за намерениями, которые могут противоречить собственному выживанию. У эгоизма дурная репутация. Но сам по себе он не плох — это просто закон, вытекающий из того, что существа подсознательно и постоянно различают 100-

процентную уверенность в собственном существовании и, в противоположность ей, довольно большую неуверенность в бытии других. В своё время я написал статью, в которой обозначил три фундаментальных вызова: ответ на них сильнее всего продвинул бы человечество вперёд, и ради них стоило бы приложить усилия. Один из этих вызовов состоял в том, чтобы понять, как обрести такую же уверенность в том, что другие люди столь же реальны, как я сам. Однако из трёх она самая трудная, и пока в поисках её решения не видно света в конце тоннеля. Вероятно, для этого потребуется коренной сдвиг в понимании человечеством сознания и процессов восприятия.

Из сказанного следует, что, возможно, Вселенную следовало бы исследовать в обратном порядке. Не брать за основу существование неких физических законов во внешнем мире и с их помощью пытаться объяснить, как могло возникнуть, например, сознание. Напротив, именно существование сознания стоило бы считать началом всего, из которого вытекает всё остальное. То есть изучать внешние физические законы, прежде всего помня о том, что проявляются они лишь в сознании, и больше сосредоточиваться на том, что именно мы наблюдаем и как это может быть связано с нашим сознанием. В любом случае достижения науки за последние 200 лет достойны восхищения, а одно из правил управления гласит: не меняйте состав команды, которая одерживает одну победу за другой. С другой стороны, в исследовании сознания со времён средневековых суеверий изменилось очень мало — а возможно, и вовсе ничего.

При рассмотрении такой модели познания, в центре которой стоит сознание, вдруг открываются перспективы, способные шокировать типичного современного материалиста: что же мы на самом деле знаем о мире? Если сознание и впрямь альфа и омега всякого познания, то разве невозможно, чтобы положительная эмоция в нём оказалась настолько сильной, что не только принесла бы исполнение какого-либо желания, но и само сознание изменило бы природу реальности, включая некоторые физические законы? Если бы мы, к примеру, взяли обычную сегодняшнюю вещь — ноутбук, перенесли его в прошлое и включили, работал бы он? Или в ходе развития, по мере того как люди открывали законы природы, сами эти законы менялись со временем? Тогда законы природы не открывались, а постепенно сдвигались и изменялись коллективным человеческим сознанием?

Впрочем, сейчас, когда науке поразительным образом удаётся продвигать познание вперёд традиционными методами, такой взгляд на науку и реальность, вероятно, был бы контрпродуктивен. И всё же я считаю, что подобное объяснение реальности нужно держать в уме как альтернативу привычному мышлению.

Альтернатива, в центре которой стоит восприятие, естественным образом предлагает искать истину об окружающем мире и о себе не во внешних законах природы, якобы независимых от конечного наблюдателя. Вместо этого она выдвигает объяснения, помещающие в центр Вселенной сознание этого наблюдателя. То есть в данный момент — ваше сознание, сознание читателя этих строк. Только что через моё сознание, которое действительно существует, вы стали центром Вселенной.

Неотъемлемая часть жизни — переживание плохого и неприятного. Оно необходимо, чтобы можно было отличить добро от зла. Если бы человек испытывал только приятное, вскоре он перестал бы ценить его положительное значение, и всё смешалось бы в одну кашу, в которой уже нельзя было бы различить, что лучше, а что хуже. Поэтому отрицательный опыт — очень важная и необходимая составляющая переживания.

Секрет жизни, приносящей удовлетворение и ощущение полноты, — в таком соотношении положительных и отрицательных переживаний, при котором неприятный опыт помогает человеку верно увидеть, что хорошо, а что плохо, а вслед за ним приходит опыт положительный, уравновешивающий плохое и приносящий чувство удовлетворения.

Представьте, что у вас есть волшебная лампа Аладдина и джинн способен исполнить любое ваше желание. Сначала вы пожелали бы решить проблемы, мучившие вас всю жизнь: побольше денег, покрепче здоровье, более привлекательную внешность и так далее. Но спустя какое-то время вам бы это наскучило: получать всё без малейших усилий довольно быстро становится скучно.

Тогда вы пожелали бы того, что таит в себе неожиданность, — чтобы не держать всё под полным сознательным контролем. Со временем вы поняли бы, что даже бесконечная игра с поворотами и неожиданными событиями по-прежнему остаётся вашим «собственным спектаклем». И вам захотелось бы настоящих ограничений, правил, которые вы сами не в силах нарушить.

Наконец, вы пожелали бы забыть о волшебной лампе и бесконечной власти. Вам захотелось бы совершенно настоящей реальности — утратить сознание того, что вы сами всё создаёте. И в этот миг вы оказываетесь именно в той жизни, которой мы живём сейчас: мы не знаем, что нас ждёт, стараемся, боремся, учимся, страдаем, радуемся.

Человек уже не хочет бесконечных возможностей. Он хочет жизни, в которой всё «в самый раз»:

- достаточно неопределённости, чтобы было интересно,
- достаточно страдания, чтобы был смысл,
- достаточно радости, чтобы стоило жить.

Так круг замыкается: бесконечная череда желаний заканчивается стремлением к обычной, реальной, конкретной жизни. Вы захотели бы настоящей жизни — такой, как она есть. Со страхом, болью, но и с радостью. Со всем, что делает её настоящей.

Сейчас человечество подошло к рубежу, за которым его ждёт относительно счастливый период: благодаря технологиям и успехам медицины мы сможем, с одной стороны, жить потенциально вечно, а с другой — играть во всемогущество в собственных мирах, создаваемых при помощи таких технологий, как виртуальная реальность. На первичном, физическом уровне, где на кону стоит всё — сама жизнь, — для человечества сохранятся правила настоящей жизни, какой мы её знаем. В ней по-прежнему будут возможны боль и страдание, но благодаря техническому прогрессу и повышению нравственных стандартов эти отрицательные стороны, вероятно, сведутся к минимуму. Жизнь станет настолько хорошей и полноценной, что такое событие, как уход на войну из-за чьей-то прихоти напасть на соседнюю страну, окажется совершенно немыслимым. Сейчас подобное возможно лишь потому, что качество жизни в такой стране настолько невысоко, что даже возможная гибель на поле боя, по сути, не кажется чрезмерной ценой.

Думаю, для переживания отрицательного опыта в жизни и его правильного дозирования в виртуальных мирах появятся симуляции, которые можно будет в любой момент прервать и покинуть, не утратив непрерывности сознания.

Люди будут создавать собственные миры, воплощая в них свои творческие идеи, — столь новаторские и увлекательные, что начнут приглашать друг друга в эти миры и

оценивать полученные там впечатления. Это станет новой формой социализации, которая возникнет после усовершенствования интерфейса «человек — машина» и последующего широкого распространения виртуальной реальности.

Эта книга ставит перед собой задачу помочь человечеству перейти к просвещённому обществу, в котором сегодняшние мировые проблемы останутся лишь неприятным воспоминанием о далёком прошлом. Помочь так: на фоне историй из собственной жизни пролить больше света на те области, в которых человечество, как мне кажется, напрасно и во вред себе блуждает, и объяснить свою точку зрения. Я постараюсь предложить взгляд на многие вещи, исходные предпосылки которого станут ясны благодаря конкретным жизненным историям.

Отдельная часть книги будет посвящена моему проекту «Видимые деньги». Его цель — преобразовать общество так, чтобы основные экономические и нравственные стимулы работали в пользу нового мирового порядка. Порядка, справедливого до самого основания и высоконравственного не только в отношениях человек => человек, человек => природа, но и человек => государство, и наоборот.

Итак, я приглашаю вас совершить путешествие по моей жизни, стоящей на пороге строительства нового мира. Мира, в котором технологии откроют человечеству и всей планете врата в рай. Несмотря на нынешнюю разобщённость и поляризацию общества, я думаю, что в действительности, при некотором везении, нужно совсем немного, чтобы человечество вступило, возможно, в заключительную фазу своей внешней истории и в полной мере осуществило свой созидательный потенциал. Книга описывает коренное преобразование общества — социальное, экономическое, политическое, общественное и, возможно, религиозное.

Все истории из моей жизни основаны на реальных событиях, и я старался не обходить стороной даже те, что показывают меня не в лучшем свете. Я пытаюсь правдиво передать свой внутренний мир. Опущено лишь то, что ничего не добавляет к моему рассказу, либо то, чьё обнародование могло бы кому-то навредить или причинить боль.

3 Небо над Клокочиной

Перед грозой Клокочина погрузилась во мрак. Облака нависали низко, воздух был тяжёлым, и в квартире на пятом этаже детский свист вдруг оборвался. Маленькое тельце, горящее от ветрянки, внезапно обмякает — глазки закатываются, колени подгибаются, и мальчик падает, безвольный, как тряпичная кукла.

— Он… потерял сознание, — вырвалось у женщины, скорее шёпотом, чем криком.

Мужчина не колебался. Подхватил мальчика, прижал к груди и выбежал в коридор. Свет с датчиком движения зажёгся с опозданием, шаги гулко отдавались в пустом подъезде. А он бежал — не вниз, а вверх, словно там, наверху, был ответ. Шестой пролёт, седьмой. Грудь жгло, дыхание срывалось.

— Яро, вниз! — крикнула женщина этажом ниже. — В машину, в неотложку!

Он остановился на самой верхней площадке. Посмотрел на Петько — глаза закатились, тельце безжизненно обмякло. В этой пустоте он осознал, что сделал. «Боже…» — вырвалось у него, скорее выдохом, чем словом.

И в тот самый миг за окном что-то изменилось. Всё послеобеденное время небо было затянуто тучами, но на западе на мгновение открылся узкий просвет. Лучи заходящего солнца легли под нужным углом: сквозь щель в облаках прошла тонкая полоса света, скользнула через грязное окно лестничной площадки и легла на ступени тёплой оранжевой лентой.

На секунду рука мужчины перестала дрожать. Маленькое тело едва заметно шевельнулось. Потом ещё раз. Женщина замерла двумя ступенями ниже и прижала ладонь ко рту.

— Он пришёл в себя, — недоверчиво произнёс мужчина, скорее для самого себя. Большим пальцем стёр слюну у мальчика со рта, провёл ладонью по его лицу.

Луч продержался лишь несколько ударов сердца. Тучи снова сомкнулись, оранжевый свет погас, и лестница вернулась в серые сумерки. Теперь стало ясно, куда идти.

— Идём, — твёрдо сказал он.

Женщина повернулась, чтобы взять ключи. Мужчина прижал к себе Петько осторожнее — не как ношу, а как дар — и на этот раз пошёл вниз. На стене осталась лишь слабая, быстро исчезающая полоса тепла. Но в них обоих остался ясно запечатлённый миг: короткое, тихое мгновение, когда тучи разошлись именно тогда, когда это было так нужно.

Этот рассказ во многом основан на подлинном случае из моего детства, о котором мне часто рассказывала мама. Я рос очень болезненным ребёнком и однажды действительно потерял сознание. Отец, вместо того чтобы бежать со мной вниз, к машине, инстинктивно бросился в противоположную сторону — что, возможно, в конечном счёте благоприятно повлияло на исход этой истории.

4 Серафина

— Попробуй выучить его наизусть, — сказала она, стоя у плиты и помешивая в кастрюле большой деревянной ложкой. К потолку поднимался пар, а вместе с ним — аромат повидла.
— Я уже знаю, — ответил я и без запинки начал: — Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё; да придёт Царствие Твоё; да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Аминь.

Женщина у плиты была моей бабушкой — бабкой, как мы все её называли. У неё было имя, которого я больше никогда не встречал ни у одного живого человека: Серафина. Говорят, поначалу её хотели назвать Альжбетой, но крёстная во время крещения вдруг произнесла другое имя, и оно осталось с ней навсегда. Однажды, разбираясь в значениях имён, я наткнулся на объяснение, подходившее ей до последней черты: серафимы — ангельские существа, непрестанно поющие на небесах во славу Божью. Она пела во славу Божью всей своей жизнью.

Её влияние на мою духовную жизнь началось буквально с моего первого вздоха. Католический священник отказался меня крестить: отец был лютеранином, мама — католичкой; с религиозной точки зрения смешанные браки в ту пору были делом непростым. Бабушка не привыкла ждать, пока мир решит за неё. Она наполнила миску водой, осенила меня крестом и шёпотом произнесла слова, которые спустя несколько лет я снова услышал из уст священника: «Я крещу тебя во имя Отца, Сына…»

Она окрестила меня сама, спокойно и твёрдо, словно делала это всю жизнь.

Годы шли. После падения режима, когда больше не нужно было украдкой прикрывать за собой церковные двери и вера вновь смогла дышать свободно, бабушка ещё раз взяла меня за руку. Она позаботилась о том, чтобы всё, что должно было совершиться, совершилось: слова крещения прозвучали в церкви вслух, а затем последовали первое причастие и миропомазание.

Теперь я знаю, что мой путь к вере начался не с богословия, а с пара, поднимавшегося над кастрюлей, и голоса женщины, верившей всей душой. И знаю, что я крещён дважды: первый раз — ею, вскоре после рождения, когда она на мгновение стала священником; второй — вместе с ней, когда она стала моей крёстной. Между этими двумя крещениями прошла большая часть моего детства.

5 Раннее детство

Среди моих самых ранних воспоминаний — уроки в начальной школе. Точнее, то время, когда я уже умел читать и мир внезапно расширился для меня на всё, что может уместиться между двумя книжными обложками. Я поглощал всё, что попадало под руку. Сначала — книги Мая: быстрые кони, чистые слова, честь, острая как нож. После них в сердце осталось твёрдое убеждение, что кто-то должен защищать слабых, и где-то там начало складываться моё чувство справедливости.

Вскоре на моих полках поселился Жюль Верн. Оттачивая воображение, его романы прививали мне уважение к техническому прогрессу — не как к трюку ради самого трюка, а как к средству, которое двигает человечество вперёд.

И в школе было что почерпнуть. На уроке истории я впервые услышал о Петре Великом: о том, как он на время устроился работать на верфи Западной Европы, чтобы освоить ремесло, а затем перенести увиденное и изученное на русские верфи и в конце концов — в управление государством. Простота и в то же время гениальность этого поступка меня заворожили. Во мне осталось ясное убеждение: тот, кто хочет по-настоящему хорошо править, должен разбираться и в технических подробностях — в тех важных вещах, на которых держатся государство, торговля, ремесло и экономика в целом.

Важнейшим толчком к моему читательскому развитию стала дружба с одноклассником Растью. Мы подзадоривали друг друга: кто что прочёл и кто принесёт следующую «добычу». Растью умел найти книгу даже там, где вы и не подумали бы её искать. Первую книгу о Тарзане — властелине обезьян — я проглотил благодаря сшитым газетным выпускам, которые его отец собрал ещё мальчишкой. Бумага пожелтела, края обтрепались, но история сияла. Некоторых страниц не хватало — воображению пришлось дописывать их самому. Это тоже была тренировка: учиться заполнять пробелы, а не останавливаться перед ними.

Мама Растью преподавала математику в соседней школе. Для нас это значило больше, чем просто хорошие оценки. При необходимости она терпеливо занималась с нами дополнительно, готовила к вступительным экзаменам, а главное — учила задавать вопросы. Однажды я пришёл к ней со своим маленьким математическим бунтом.

— Почему деление на ноль — недопустимая операция? — выпалил я. — Ведь если разделить положительное число на ноль, должна получиться бесконечность.

Она улыбнулась, но в глазах было то самое учительское спокойствие, которое не гасит любознательность, а лишь направляет её.

— Сколько будет 3 : 0? — спросила она.

— Бесконечность, — ответил я без колебаний.

— А сколько будет бесконечность умножить на 0?

— Ноль, — сказал я после короткой паузы.

— Вот видишь, — тихо произнесла она. — Проверка не сходится.

В этом не было насмешки. Тогда я понял, что и в математике, как и в книгах, дело не только в яркой идее, но и в согласованности правил, на которых держится мир. С тех пор я смотрел на «бесконечности», устоявшиеся правила и знания с большим смирением.

6 Религиозное воспитание

После того как в 1989 году религиозная жизнь стала свободнее — мне было тогда 10 лет, — я впервые попал на настоящую мессу. Мы снова отправились вместе с Растьо в центр Нитры, в костёл на улице Фарска. Кажется, мы поднялись на левую боковую галерею хоров, чтобы лучше видеть происходящее. Во время пресуществления и причастия случилось нечто странное. Глядя вниз, на алтарь, я вдруг увидел там свет, который начал разрастаться, словно при взрыве. В одно мгновение он поглотил и меня, и весь храм. Я потерял сознание, а очнулся от того, что сидевшая рядом с нами женщина хлопала меня по щекам.

Когда мама и бабушка об этом узнали, некоторое время обсуждалось, стоит ли мне ходить на мессу, но, к счастью, при следующих посещениях церкви ничего подобного не повторилось. Я подумал: интересно, что случится, когда я сам пойду причащаться, если даже наблюдение за кульминацией мессы, когда священник, согласно католической литургии, превращает хлеб и вино в Тело и Кровь Христа, привело к тому, что я упал в обморок.

Видимо, такая чувствительность к католической литургии была у нас семейной: несколько лет спустя бабушка рассказала, что во время причастия видела над облатками будто бы яркие серебряные кресты, парящие в воздухе. По её словам, священник тоже должен был их видеть — его реакция явно об этом свидетельствовала. Обычно я не придал бы значения подобному рассказу уже довольно пожилого человека, которого могут обманывать чувства. Но её слова напомнили мне мой собственный случай со светом, распространявшимся из самого средоточия литургии.

Бабушка устроила так, что вскоре после падения режима я начал посещать занятия по катехизации, готовясь к крещению и первому причастию. Кажется, каждое воскресенье я ходил в костёл в Млинарце, где проходила подготовка. Я всегда шёл одной и той же дорогой, мимо дома, возле которого росла большая черешня. Однажды, когда я проходил мимо, ягоды как раз созрели — крупные, вкусные, сердцевидные. Впоследствии оказалось, что мне предстоит возвращаться к этому дереву очень часто. Я и теперь каждый год, на рубеже мая и июня, пробую его плоды. Словно оно было мне предначертано. Иногда мне кажется, что моя жизнь во многом определена заранее, а моя задача — лишь верно собрать все подсказки и исполнить свою судьбу.

7 Гимназия и ясное направление будущей карьеры

К окончанию основной школы передо мной встал выбор: куда идти дальше? Несколько раз я побывал на подготовительных занятиях к вступительным экзаменам в класс для математически одарённых детей при Паровской гимназии. Я понял, что, вероятно, не так уж одарён в математике: среди моих ровесников были ребята, у которых, видимо, имелась более основательная подготовка, поскольку они учились в специализированной школе для математически одарённых детей, и на вопросы учителя они отвечали куда проворнее меня. Вступительные экзамены в эту специализированную школу когда-то сдавал и я — и тоже поступил. Но она находилась далеко, на другом конце города, и родители решили, что оно не стоит сложной ежедневной дороги.

На тех подготовительных занятиях по математике я заметил одного своего будущего одноклассника — Тибора. Хотя он не учился в той школе для математически одарённых детей, он всё равно превосходил остальных.

В конце концов я выбрал гимназию со специализированным классом, где углублённо изучали не математику, а программирование. Дело в том, что в седьмом или восьмом классе родители за баснословные по тем временам деньги купили мне первый компьютер — PC AT 386SX. Моя любовь к компьютерам была любовью с первой введённой команды. Большую роль в этом сыграл мой дядя — брат отца, Здено. Он руководил фирмой, специализировавшейся на продаже компьютеров. Его жена, тётя Катка, преподавала в основной школе, где я учился. Однажды она спросила, не хочу ли я зайти к ним посмотреть на их новый компьютер. Я не колебался ни секунды и в тот же день два часа переминался перед их домом, пока моя двоюродная сестра не вернулась из школы и не впустила меня к компьютеру.

Это был всего лишь Commodore 64, но, когда все увидели, как он меня увлёк, отец после разговора с дядей верно рассудил, что, пожалуй, стоит поддержать моё увлечение: за компьютерами будущее, и однажды они смогут меня кормить. После того как я успешно сдал вступительные экзамены в класс программирования, моя судьба была решена: я стану программистом — или, как начали говорить позднее, инженером-программистом.

8 Первый год в гимназии

Первый год в гимназии стал для меня своего рода потрясением. Внезапно оказалось, что я уже не лучший ученик по всем предметам, кроме музыки, как было в основной школе. Здесь учились ребята, явно превосходившие меня в математике, физике и других дисциплинах, например в иностранных языках. Первый удар ждал меня уже на втором уроке программирования: учительница вызвала меня совершенно неподготовленным. На втором же занятии я получил тройку за устный ответ по предмету, в котором собирался блистать, — по программированию. Прежде подобное было для меня немыслимо. Я быстро понял, что здесь не будет так легко, как в основной школе: там мне хватало на перемене перед уроком просмотреть прошлую тему, и этого было более чем достаточно, чтобы оставаться круглым отличником.

Здесь нужно было вкалывать. К каждому уроку приходилось серьёзно готовиться — по крайней мере настолько, чтобы вызов к доске или неожиданная контрольная не испортили оценки до такой степени, что о высшем балле в табеле можно было бы забыть. В первом полугодии я стремился получить одни высшие оценки, но учительница истории изменила мою цель. Ближе к концу полугодия я вызвался отвечать, сказав, что хочу высшую оценку, потому что рассчитываю закончить полугодие круглым отличником. Она осадила меня замечанием: в гимназии одни высшие оценки получают только девочки, для мальчиков это ненормально. С тех пор я перестал так зацикливаться на оценках, и в итоге в табеле у меня оказалась одна оценка ниже высшей — двойка по географии: я завалил какую-то последнюю контрольную.

В конце первого полугодия мы всем классом поехали на лыжную базу. Девочек у нас было всего три. Мне было четырнадцать, половое созревание шло полным ходом, и кровь бурлила. Мы с одноклассником Петьо стали ухаживать за одной и той же девушкой. Петьо повезло больше, и они начали встречаться. От злости и досады я едва не лопался. Сделать я не мог ничего. Во всяком случае, физически. Поэтому всю свою ярость я обратил внутрь себя. Я со всей силой воображал, представлял, как у Петьо сама собой взрывается голова. На деле я бы никогда ничего ему не сделал, но так пытался хоть как-то справиться с неудачей. Не знаю, причинила ли моя сильная визуализация Петьо какой-либо вред, однако факт остаётся фактом: спустя годы у него родился сын с аутизмом. Правда, это был уже его второй ребёнок, так что я надеюсь, что действительно никак к этому не причастен. Однажды на встрече одноклассников я напомнил Петьо об этом эпизоде. Не похоже было, чтобы он как-то связывал одно с другим или усматривал прямую связь. Пишу об этом главным образом ради полноты своей исповеди.

Ещё один случай, связанный с пробуждавшимся влечением и с тем, как плохо я в этом отношении справлялся с подростковым возрастом, произошёл у бабушки. Был короткий период, когда, хотя я и понимал, что однажды буду этого стыдиться, я был склонен слегка приставать к двоюродной сестре. Пишу здесь об этой глупости, потому что она тяготит мою совесть, и в качестве своего рода извинения. К счастью, продолжалось это совсем недолго. Тогда я начал встречаться с Каткой, мои гормоны получили другую, более приемлемую цель, и после этого всё было более или менее в порядке.

Наши отношения с Каткой длились 10 лет — с моих 14 до 24. Благодаря ей все эти 10 лет я жил в образцовых отношениях. Катка придерживалась очень консервативных взглядов на всё, что касалось пары: мы ни разу друг другу не изменили. По своей внутренней природе

я, как мне кажется, несколько свободомысленнее, чем она в этих вопросах. Для Катки сексуальность была тем, что следует посвящать исключительно одному человеку. Такой взгляд вытекает из традиционного консервативного понимания отношений и предлагается в качестве образца прежде всего потому, что сводит к минимуму конфликты в обществе. В конце концов, «Не прелюбодействуй» — одна из десяти заповедей Моисея. Такие явления, как внебрачные дети, до сих пор воспринимались как клеймящие человека последствия нарушения нравственных правил. И это, опять же, было одним из следствий борьбы за ограниченные ресурсы. Ведь внебрачный или неродной ребёнок становится постоянным источником проблем в любых отношениях — от своего рождения до смерти супругов, а через перипетии наследования даже после неё. На мой взгляд, сексуальность в разумных пределах должна прежде всего приносить человеку радость.

Если будет решена проблема по-настоящему справедливого распределения ресурсов в обществе — то есть исчезнет извечная борьба за ресурсы, — взгляды большинства людей на сексуальность станут гораздо свободнее. В современном развитом обществе будет столько благополучия, что любые страхи за имущество и обеспеченность потеряют смысл.

Проще говоря, традиционный консерватизм опирается на предпосылки, которые в ближайшем будущем изменятся, и такой взгляд перестанет быть актуальным. Думаю, что в период воспитания детей посвящать своё время исключительно семье по-прежнему будет важно для общества. Но после того как дети достигнут ранней взрослости и уже будут понимать, как устроены отношения, оставаться всю жизнь в одной паре, по-моему, противоречит человеческой природе. Особенно если учесть, что благодаря достижениям медицины люди, по всей вероятности, смогут жить неограниченно долго.

Итак, подводя итог: если у пары есть маленькие дети, для общества желательно, чтобы их воспитывали оба родителя, и хорошо бы, чтобы было видно, что родители любят друг друга. Ребёнок должен чувствовать, что он — плод и воплощение любви двух людей, которые, зачав его, приняли на себя весьма серьёзное обязательство. Но то, что сегодня обещают в церкви при заключении брака, — «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» до конца жизни, — слишком ограничивает человека и не соответствует его игривой природе. Естественным следствием изменения мирового порядка в сторону справедливого распределения ресурсов станут перемены и в этой области.

9 Похороны матери отца

Когда я учился в гимназии, умерла мама отца — моя вторая бабушка, с отцовской стороны. С ней я не был так близок, как с маминой мамой. На похоронах я пристально наблюдал за отцом. Я вбил себе в голову: если её смерть его сильно потрясла, я сделаю всё, чтобы обратить её вспять, хотя бабушка умерла уже несколько дней назад. Отец заметил мой напряжённый взгляд, и в этот миг у него скатилась слеза. Больше мне ничего не требовалось. Я сосредоточил всю свою психическую энергию на том, чтобы бабушка очнулась. Я так настойчиво призывал её обратно силой сознания, что сам снова едва не потерял сознание. Стоявшей рядом тёте пришлось меня поддерживать.

Тогда я впервые столкнулся со смертью по-настоящему, без прикрас: похоже, обратить её вспять было не в моих силах, как бы сильно я этого ни хотел. Через несколько лет, вскоре после нашего расставания с Каткой, ко мне в Прагу, где я тогда жил, приехали однокурсники. Мы сидели в каком-то баре, куда пришли повеселиться три девушки. Одну из них звали

Каролина — так же, как мою покойную бабушку. Я совсем не задумывался об её имени, но, когда рассказал отцу, что встречаюсь с Каролиной, он словно остолбенел. Тут я понял: он прекрасно знал, что я задумал тогда на похоронах, и отношения с возможной будущей Каролиной Бошковой воспринимал как своего рода исполнение моего намерения. Я же начал с ней встречаться вовсе не с такой целью. В конце концов отношения сошли на нет. Из этой истории я вынес урок: вероятно, мне не дано обратить вспять такие вещи, как смерть близкого человека, но приложенное в тот момент психическое усилие, возможно, проявляется позднее каким-то неожиданным образом и в определённом смысле возвращается ко мне бумерангом.

10 Первые проекты по программированию

В первом классе гимназии, освоив основы Pascal, я взялся за свой первый проект — программу, в которой можно было рисовать мышью на холсте, примерно как в Paintbrush для Windows.

Я кое-как слепил первую версию, вобравшую, наверное, все ошибки, какие только может допустить начинающий программист. Тогда я ещё не знал, что такое процедуры и функции, поэтому всё было свалено в главный цикл программы. Одним словом, полная катастрофа. Когда понадобилось сохранять нарисованное пользователем в файл, мне пришлось попросить помощи у Арона — школьного товарища из старших классов. Увидев этот бардак, он написал мне первую функцию для сохранения, а вторую — для чтения из файла. Возвращая готовую работу, заметил: «И научись наконец писать процедуры и функции». Позднее Арон ещё существенно повлиял на мою программистскую жизнь. Вместе со способными одноклассниками ему удалось создать первый словацкий квест — компьютерную игру, которая вполне официально продавалась. Вокруг него сложилось целое сообщество программистов, художников и сценаристов, пытавшихся повторить его успех. Мы с Тибором и при помощи других одноклассников дошли до того, что создали анимационный движок для графики SVGA (640x480), 256 цветов. Это означало, что на экране был фон, который можно было прокручивать, а поверх него размещались фигурки солдат и танков. Можно было щёлкнуть по солдату или танку и указать, куда ему переместиться. Получив команду, фигурка отправлялась в нужное место. Причём одновременно могли двигаться несколько фигурок, не заходя в запрещённые зоны, заданные замкнутыми полигонами. При помощи алгоритма Дейкстры Тибор запрограммировал поиск кратчайшего пути между двумя произвольными точками так, чтобы фигурка не попадала в запрещённую область, ограниченную полигоном. В то время ещё не существовало ни одной другой готовой игры с разрешением SVGA. Причина заключалась в том, что прежде не было языка программирования, позволявшего хранить в одной переменной больше 64 КБ данных. Этого хватало лишь на разрешение 320x200 при 256 цветах. А в Watcom C/C++, на котором мы, следуя примеру Арона, всё это написали, такая возможность уже появилась.

Нашему шедевру было далеко до чего-либо коммерчески перспективного, но он очень помог мне при последующем поиске работы. Стоило кому-нибудь его показать, как я слышал: «Ты у нас только зря пропадёшь, тебе нужно продолжать заниматься этим». Исходники игры хранятся у меня до сих пор. В минуты слабости или трудностей я запускаю её, чтобы напомнить себе: дела не могут быть настолько плохи, как сейчас кажется, если уже в 14 лет мы с Тибором были такими умелыми.

11 Экономический университет

Когда я решал, в какой вуз поступить после гимназии, главную роль, разумеется, играло программирование. Были учебные заведения технического направления — например, Факультет электротехники и информатики (FEI) Словацкого технического университета или даже сам Матфиз. Вступительные экзамены на Матфиз показали, что мои математические способности не настолько исключительны, чтобы учёба там не стала для меня мучением. К счастью, я даже не сдал вступительные экзамены. Позднее я не раз встречал людей, которые не справились с учёбой на Матфизе и в итоге перешли, например, в Экономический университет. И всякий раз был благодарен за то, что избежал той же участи и с первого раза выбрал подходящий вуз. В FEI меня приняли без вступительных экзаменов благодаря результатам учёбы в гимназии. Но идти туда мне не хотелось: первый курс был тяжёлой работой, заканчивавшейся жёстким отсевом, при котором отчисляли десятки процентов первокурсников. На выбор Экономического университета сильно повлиял Тибор, который с самого начала нацелился именно туда. Мне этот вариант стал казаться особенно удачным после нескольких услышанных шуток: мол, это «трамвайный университет», и не окончит его только тот, кого в Братиславе переедет трамвай. Значит, я, вероятно, смог бы совмещать учёбу с работой — как выяснилось позднее, это было очень разумное и верное соображение.

Получить очень хорошие результаты на вступительных экзаменах мне помог друг, который сдавал их в тот же день и сидел за партой передо мной. Мне удалось списать у него последние три задачи по математике, которые я не успел решить в отведённое время. Тогда я впервые по-настоящему осознал: важнее, чем самому обладать определёнными способностями, — иметь хорошие отношения с людьми, у которых эти способности есть. А затем пользоваться сетевым эффектом таких знакомств. Я поступил бы и без этого маленького обмана, но оказался бы не так высоко в списке результатов и впоследствии не попал бы в общежитии в одну комнату с теми соседями, с которыми в итоге жил.

Уже в первые недели учёбы я начал искать работу. Интернет в Словакии тогда, по сути, находился в зачаточном состоянии, но благодаря выданному в университете адресу электронной почты и доступу в сеть из учебных аудиторий я быстро договорился о собеседовании с одним человеком из банка Slovenská sporiteľňa. Когда я пришёл в отделение банка и оказался у него в кабинете, всё прошло удивительно гладко. Достаточно было показать мой проект с движущимися солдатами и танком — и всё стало ясно. Он тут же отвёл меня в здание фирмы Asset, которая в ту пору поставляла банку Slovenská sporiteľňa информационную систему. Меня привели к руководителю проекта «Ценные бумаги» — Юло Петренко. Юло был немного моложе моего отца, и мы сразу нашли общий язык. Когда мы вошли в кабинет, он сидел, закинув ноги на стол, весь в шелухе от тыквенных семечек, которые без всякого смущения беспрерывно щёлкал на протяжении моего собеседования. Сотрудник банка упомянул мой проект с солдатиками, и дело закончилось тем, что мы ударили по рукам. Мне вручили примерно 700-страничное руководство по системе баз данных Oracle и велели прийти на следующей неделе, когда я с ним ознакомлюсь. Юло стал называть меня «молодой человек», а я его — Юлиусом. Подозреваю, это ему не слишком нравилось, но выбора у него не было: после увиденного на собеседовании такое обращение почему-то казалось мне подходящим.

В первом семестре я выяснял, насколько необходимо ходить на лекции: одни преподаватели требовали посещения, у других было достаточно приходить более или менее

подготовленным на обязательные практические занятия. То, что я работал в фирме, поставлявшей информационную систему крупнейшему словацкому банку, оказалось огромным преимуществом. Для зачёта по информатике требовалось подготовить простой проект базы данных, демонстрирующий основы нормализации и проектирования. Свой проект я сделал примерно за 1,5 часа. Он назывался «Управление портфелем ценных бумаг». Я аккуратно нарисовал таблицы: портфелей, типов ценных бумаг, связи M : N между клиентом, портфелем и перечнями принадлежащих ему ценных бумаг. Когда я сдавал работу, все только смотрели. Преподаватель практических занятий спросил: «А вы вообще знаете, что такое портфель?» Я ответил, что работаю в фирме, создающей информационную систему для банка Slovenská sporiteľňa. В проекте «Ценные бумаги». Некоторое время он стоял с открытым ртом: всё-таки первокурсник, который успел так устроиться и совмещал учёбу с подобной работой, вероятно, был явлением нечастым.

Первая экзаменационная сессия тоже стала проверкой того, что я могу себе позволить. Моя цель была проста: учить как можно меньше, получать хотя бы тройку и отдавать работе как можно больше времени. Юло меня подзадоривал: говорил, что его знакомые из Экономического университета тратят на подготовку к экзамену максимум три дня. Я возражал: это моя первая сессия, и недооценивать её мне не хочется. Первый экзамен, сразу после Рождества, был по ключевому предмету — «Общая экономическая теория», VET. Его боялись все первокурсники. К счастью, мне досталась, пожалуй, самая подходящая преподавательница: знать материал было необходимо, но если ты доказывал свои знания, то без оценки хотя бы «три» не уходил. После Рождества я вернулся в общежитие подготовленным и в хорошем настроении, а вечером перед экзаменом уже не сомневался в победе. Так и получилось. Я получил высшую оценку — единицу. Правда, мне достался, наверное, самый лёгкий вопрос: взаимосвязь спроса, предложения и цены на свободном рынке. Экзаменатор заметила: надо же, в самом начале — и такой лёгкий вопрос. Я предложил тогда вытянуть ещё один билет. Она рассмеялась и сказала, что удача благоволит подготовленным и менять ничего не нужно.

Второй экзамен уже не оказался такой лёгкой прогулкой. Это было «Введение в право». Предмет вела преподавательница с несколько переменчивым настроением: она могла поставить тройку даже за смутные воспоминания о чём-то, относящемся к вопросу. Но главное было не показать, что ты трясёшься от страха. С первой попытки я ещё не успел её раскусить и не получил даже тройки. Сессия шла, за плечами становилось всё больше успешно сданных экзаменов, и я разговаривал с однокурсниками о праве. Слышал истории о том, как они прочитывали пособие за день до экзамена и спокойно получали свои тройки. Я размышлял, в чём же секрет, и однажды, слушая однокурсника, понял. Тот рассказывал, как беседовал с ней о своей работе. Она просто увидела в нём равного себе человека: этим разговором он словно вышел из роли студента, выпрашивающего оценку, и дал ей понять, что в действительности они равны. С таким выводом я снова пошёл на экзамен. Рассказал всё, что знал по вытянутому вопросу, но следил за тем, чтобы ни единым намёком не выдать, как сильно боюсь уйти без оценки. Я делал вид, что мне более или менее всё равно, — и в конце концов это сработало. Это была одна из тех оценок, которые я получил скорее благодаря психологическому анализу экзаменатора, чем знаниям. Выучить всё примерно 400-страничное пособие по праву было для меня довольно трудно: мне даже читать его было неинтересно, не то что учить. Впоследствии экзаменов, на которых анализ личности

преподавателя играл важную роль, было немало. Но это была первая потенциально довольно серьёзная проблема на первом курсе, многому научившая меня на будущее.

Первое студенческое лето мы с Каткой провели вместе, поселившись в одном из общежитий недалеко от моей работы. Постепенно я стал зарабатывать больше, чем оба моих родителя вместе взятые. Во многом этому помогло то, что я зарегистрировался как индивидуальный предприниматель и оптимизировал свои налоги и взносы. Вместо приблизительно 50 % налогов и обязательных отчислений, которые тогда приходились на обычного штатного сотрудника, я платил значительно меньше — около 25 %. У меня оставалось гораздо больше чистого дохода, и к окончанию университета я накопил достаточно, чтобы купить за наличные первую трёхкомнатную квартиру в Нитре. Она принадлежит мне до сих пор и составляет значительную часть моего имущества: с момента покупки в 2002 году до сегодняшнего дня, 2025 года, её стоимость выросла более чем в 6 раз.

Во время работы в Asset произошёл случай, показавший мне, как следует относиться к сотрудникам и как можно повернуть на пользу всей команде, казалось бы, неразрешимую ситуацию. Мы работали над проектом нового банковского продукта: он должен был позволить клиентам накапливать ценные бумаги в портфеле и одновременно вкладывать свободные деньги, ещё не размещённые в ценных бумагах, в срочные депозиты под более выгодный, чем обычно, процент. Кажется, дело было в период выборов, когда никто из сотрудников банка не решался подписать Asset акт приёмки проекта: все ждали результатов голосования. Со стороны банка, нашего заказчика, с нами общался молодой человек, вероятно лишь немного старше меня. Официальным объяснением отказа от приёмки стала нехватка времени на тестирование. Я же, наивный и ничего не знавший о большом политическом контексте, договорился пообедать с этим молодым банковским служащим, намереваясь предложить помощь в тестировании — это должно было способствовать официальной приёмке проекта. За обедом он объяснил, как всё обстоит в действительности. Когда Юло узнал, что я с ним обедал, поднялся такой переполох, что я только диву давался. Точных подробностей я уже не помню, но тогда Юло взял меня на обед с владельцем Asset, Хренко. Какое-то время Хренко входил — или и сейчас входит — по версии Forbes в число самых богатых словаков. Судя по последующим событиям, Юло явно получил от него указание сдать проект любой ценой. Я не знаю точно, что происходило или не происходило за кулисами, но был потрясён тем, что какой-то незначительный студент, ткнувший куда-то пальцем, словно наивный идиот, способен вызвать такое землетрясение. Следующие недели у Юло голова шла кругом от забот о проекте. Однако после ряда перипетий его всё же удалось успешно сдать. За кулисами должно было произойти что-то, о чём я не узнал, — иначе объяснить это не могу. Но возможно, что без моей наивной попытки решить проблему вся эта лавина событий так и не сошла бы. Я вынес из случившегося урок: даже самый незначительный участник проекта способен творить чудеса. С тех пор я не недооцениваю ни одного члена своей команды: те, кто, казалось бы, находится в более слабой позиции, в итоге могут оказаться людьми, от которых зависят самые важные решения. Нередко те, кто кажется менее важным для проекта, на деле вложили свой ум в его успех — в том смысле, что гораздо сильнее управляют теми элементами реальности, от которых этот успех зависит.

Второе студенческое лето я жил в общежитии Экономического университета в Горском парке — там же, где и в течение учебного года. На работе у меня появилась новая коллега, Людмила, тоже выпускница Экономического. Она была весьма способной, но больше всего меня удивляли её интересы к таким областям, куда сам я едва ли забрёл бы. Она немного

увлекалась мрачноватой готической музыкой, любила одеваться в чёрное, но могла без всякого смущения надеть ярко-синий парик и прийти так на работу. Людмила обратила моё внимание на сочинения некоего Франтишека Бардона, которому нравилось, когда его называли белым магом. Он написал несколько книг, задуманных как своего рода практические руководства о том, как стать настоящим магом. Говорят, сначала Бардона держали в заключении нацисты в Германии, а позднее — коммунисты в Словакии. Из любопытства я прочёл несколько его книг. Кое-что из описанного — объяснения того, как действуют определённые вещи, — было довольно вдохновляющим. Однако, пробуя некоторые из рекомендованных им упражнений — например, сосредоточиться на контроле над мыслями и ни о чём не думать, — я быстро понял, что такие опыты приносят больше вреда, чем пользы. После нескольких попыток ни о чём не думать я заметил, что мне стало труднее сосредоточиваться на работе. А это была для меня красная черта, переступать которую я не собирался. Среди прочего он рекомендовал, например, создать себе амулет: выбрать любимый предмет и на ночь убирать его в труднодоступное место, скажем, высоко на шкаф. Каждую ночь следовало заставлять себя встать и прикоснуться к этому предмету. Таким образом должна была накапливаться энергия, потраченная на подъём среди ночи, а предмет — становиться личным благотворным амулетом, заряженным положительной энергией. Сам я этого никогда не пробовал, но по описанию мне казалось вполне вероятным, что таким способом человек действительно может создать предмет, наполненный положительной энергией. По крайней мере он наверняка мог так думать — и этого могло оказаться достаточно, чтобы предмет приобрёл такие свойства. Я окончательно разуверился в Бардоне, когда на одном интернет-форуме нашёл признание человека, следовавшего его наставлениям: тот рассказал, что белая магия не дала ему ровным счётом ничего. Я стал считать выполнение этих упражнений пустой тратой времени. Недавно я видел такое сопоставление: карта мира, каким его представляли люди в древности и в античную эпоху, — в середине Средиземное море, а вокруг нечто, отдалённо напоминающее известные нам сегодня страны, — рядом с современной картой мира. Словно маленький ребёнок пытался по памяти нарисовать то, что увидел на настоящей карте. Именно так выглядели для меня познания Бардона об устройстве вещей в сравнении с современной наукой. Магия современного общества — это наука, постепенно уточняющая и детализирующая имеющуюся у нас карту знаний. И всё же прочесть о том, как человек менее ста лет назад представлял себе действие природы, было любопытным и вдохновляющим опытом.

12 Лето в Америке

Лето 2000 года я провёл не на привычной работе: мы с Каткой оформили через программу Work & Travel летнюю рабочую поездку в Америку. Мы вместе работали в уборочной бригаде аквапарка Noah’s Ark в Висконсин-Деллс — туристическом городке неподалёку от Мэдисона, столицы штата Висконсин.

Увидеть Америку глазами сезонного работника парка — такое запоминается на всю жизнь. До того как я действительно побывал в Америке, мне казалось, что однажды я туда перееду и в полной мере реализую себя профессионально: ведь условия для этого там самые лучшие. Но после того лета я уже знал, что остаться в Европе для меня будет гораздо комфортнее. Мне не нравилась даже такая простая вещь, как устройство улиц. Всё казалось слишком широким и открытым. Никакого городского центра с узкими уютными улочками, как в Европе. Мне там было не по себе. Не добавляла спокойствия и Катка: впервые в жизни она надолго уехала от семьи и очень тяжело это переносила. В самом начале нашей поездки, после ссоры о том, не развернуться ли нам и не отправиться ли немедленно домой, она на какое-то время пропала. Я как сумасшедший носился на велосипеде по всему Висконсин-Деллс и представлял, что скажут её родители, когда я сообщу им, что она просто потерялась у меня посреди Америки. Стресс был просто адский. Некоторое время я всерьёз думал, что её похитили или случилось ещё что-нибудь в этом роде. В конце концов я нашёл её: она безмятежно качалась на качелях неподалёку от дома, где нас поселили.

Но в тот день в моей эмоциональной карме появилась самая глубокая на тот момент отметина. Какое-то время я всерьёз верил, что произошло нечто ужасное. Позже, когда мы уже расстались и Катка работала в Лондоне по программе au pair, с ней случилось нечто похожее. Какое-то время она в таком же отчаянии искала по Лондону доверенных ей детей.

За работой в аквапарке Noah's Ark в Висконсин-Деллс

С Каткой в выходной день в Висконсине

13 Первое знакомство с идеей «Видимых денег» — книги Нила Доналда Уолша

Где-то на рубеже тысячелетий я прочитал три книги американского писателя Нила Доналда Уолша — «Беседы с Богом», части 1–3. Это исключительные книги: автор разбирает в них практически все стороны человеческой жизни. Некоторые его, по сути онтологические, описания того, как действуют механизмы взаимоотношений человека и Бога, я считаю самым значительным и глубоко разработанным трудом в этой области из всего, что мне доводилось читать. Этот человек — религиозный гений. Уже в самом начале первой книги рассматриваются основные онтологические принципы, к которым я пришёл в собственных размышлениях, но нигде больше не видел, чтобы они были собраны воедино и сформулированы настолько понятно.

Убеждённый атеист, вероятно, не сможет в полной мере оценить его труд: язык этих книг оперирует не конкретными понятиями, а часто обращается к таким категориям, как сущее, которому вдобавок приписываются человеческие свойства — например, желание познать самого себя и так далее. Но у меня при чтении всё идеально встало на свои места. Уже в начале он разбирает такую простую и полезную вещь, как правильная молитва. Правильная молитва состоит в том, чтобы мысленно поблагодарить Бога за то, что с тобой уже произошло. Выражая благодарность за случившееся, человек, по сути, воплощает смысл жизни. Ведь он принимает существующее таким, каким оно стало, — подтверждает, что произошедшее было хорошим. А это и есть та музыка, которая радует и Божий, и человеческий слух. Если же человек выдвигает в молитве какое-то условие — например, «хлеб наш насущный дай нам на сей день», — то тем самым допускает, что может возникнуть и ситуация, когда этот хлеб по какой-то причине нам не достанется. Это всё равно что собственный ребёнок каждый день напоминал бы вам, что ему нужно есть. Но ведь это незачем произносить вслух — любому ответственному родителю и так всё ясно. В целом молитва «Отче наш» представляется мне скорее творением людей, пытавшихся через призму человеческого восприятия как-то осмыслить отношения с Богом. Спорных моментов в ней немало — хотя бы то, что Бог ведь пребывает не только на небесах.

Во второй книге трилогии речь идёт и о лучшем общественном устройстве. Наверное, лучше всего будет привести небольшой отрывок:

«Это не предложение, а призыв. Я призываю вас выбросить все деньги, все банкноты и монеты, все национальные валюты и начать с самого начала. Создайте международную денежную систему — полностью открытую, доступную для проверки и прозрачную. Создайте всемирную компенсационную систему, в которой за оказанные услуги начислялись бы кредиты, а за полученные услуги и потреблённые товары учитывались бы дебеты. Всё учитывалось бы. Доходы от инвестиций, наследство, выигрыши в лотерею, жалованье и заработная плата, чаевые — буквально всё. Без кредитов ничего нельзя было бы купить. Никакой другой валюты не существовало бы. Все финансовые записи были бы доступны каждому. Говорят, что человека можно узнать по его банковскому счёту. Эта система приближается к такому положению вещей. Люди знали бы друг о друге гораздо больше, чем сейчас. Вы не только больше знали бы друг о друге, но и больше знали бы обо всём. Вы знали бы, сколько корпорации платят и тратят, — какова себестоимость их продукции и по какой цене они её продают. (Можешь представить, что стали бы делать такие корпорации,

если бы им пришлось указывать на всех товарах две цены? Снизило бы это цены или нет? Оживило бы конкуренцию и укрепило честную торговлю? Ты даже представить себе не можешь всех последствий такой системы.) Переводы со счёта на счёт были бы мгновенными, полностью видимыми и прозрачными. Это значит, что любой человек в любое время мог бы заглянуть в финансовые записи любого другого человека или корпорации. Ничто не было бы тайным. ВКС удерживала бы десять процентов всех заработков и прибыли у тех, кто добровольно попросил бы об этом. Не было бы налогов, от которых можно уклоняться. Поскольку все записи были бы открыты, каждый знал бы, кто отдаёт десять процентов своей прибыли на благо всего общества. Из этих добровольных отчислений оплачивались бы все государственные и социальные программы. Вся система была бы очень простой и прозрачной». Никто бы с этим не согласился. «Конечно, нет. И знаешь почему? Потому что такая система лишила бы каждого возможности делать что-либо, о чём он не хотел бы сообщать другим. Но зачем вам вообще делать что-то подобное? Я скажу тебе почему. Потому что вы живёте в обществе, основанном на убеждении, что совершенно естественно, когда „выживают только сильнейшие“. Если бы главной целью вашего общества была достойная жизнь для всех (как во всех по-настоящему просвещённых обществах), ваша потребность в тайнах и закулисных махинациях исчезла бы. Ты понимаешь, сколько коррупции устранила бы такая система? Секрет её успеха — видимость и прозрачность». Потрясающая мысль. Полная прозрачность финансовых отношений. Я пытаюсь придумать, чем это могло бы быть плохо, но ничего не приходит в голову. «Конечно, ведь тебе нечего скрывать. Но можешь представить, какой шум подняли бы богатые и сильные мира сего, если бы узнали, что каждая покупка и каждая продажа, каждое деловое решение и соглашение — что всё это доступно любому желающему? Я скажу тебе вот что: ничто не приводит к честности быстрее, чем прозрачность и видимость. Видимость — другое слово для истины. Познай истину, и истина сделает тебя свободным. Правительства, международные корпорации и сильные мира сего прекрасно это понимают, поэтому никогда не допустят, чтобы какая-либо политическая, общественная или экономическая система основывалась на истине. В просвещённых обществах нет тайн. Все знают, чем владеют другие, сколько зарабатывают, какие налоги платят; все знают, что покупает и продаёт каждая корпорация и какую прибыль она получает. Все знают ВСЁ. Знаешь, почему это возможно лишь в просвещённых обществах? Потому что в просвещённом обществе никто ничего не хочет за чужой счёт». Это радикальный образ жизни. «Радикальным он кажется только людям в примитивных обществах. В просвещённых обществах это совершенно нормально». Меня захватывает идея видимости и прозрачности. Как ты думаешь, можно ли применить её и в других областях нашей жизни? Могла бы она стать основным принципом поведения в наших личных отношениях? «Надеюсь, что да». А пока это не так. «Как правило, нет. Не на вашей планете. Большинству людей всё ещё есть что скрывать». Почему? «В личных отношениях (да, в сущности, и в любых других) люди боятся что-то потерять или чего-то не получить. И всё же лучшие личные отношения, и уж безусловно лучшие романтические отношения, — те, в которых партнёры знают друг о друге всё. В таких отношениях нет тайн, нет неопределённости, ничто не остаётся невысказанным, ничто не скрывается. Никто не пытается другого „перехитрить“». Но если бы каждый знал всё, что мы думаем... «Погоди. Мы не говорим об отсутствии личного пространства или о невозможности духовно развиваться. Совсем не об этом я говорю. Мы говорим о честности и открытости в отношениях с людьми. О том, что вы всегда должны говорить правду и не должны

умалчивать о ней, когда знаете, что необходимо её высказать. Я говорю о том, что вы никогда не должны лгать или искажать истину. Мы говорим о том, что все люди должны располагать всей необходимой информацией. Я говорю о честности и искренности. Но это не значит, что вы должны публично обсуждать свои личные дела. Каждую свою мысль, каждое мнение, каждое воспоминание, каждую идею и каждую реакцию. Это было бы безумием, а не открытостью. Речь идёт об искреннем и открытом общении. Но, похоже, эта мысль удивляет». Можешь повторить? «Похоже, эта мысль удивляет». Тебе бы в кабаре выступать. «А я разве не выступаю?» Давай серьёзно, это действительно прекрасная мысль. Представь общество, основанное на принципе видимости. Как ты думаешь, это бы работало? «Я скажу тебе кое-что. Половина общественных недугов исчезла бы уже к завтрашнему дню. Половина всех тревог, конфликтов, злобы, разочарований... Конечно, поначалу люди были бы недовольны и разгневаны, наконец узнав, как их обманывали и использовали. Но за два месяца весь их гнев прошёл бы. Подумай об этом. Как ты считаешь, смог бы ты так жить? Никаких тайн. Полная прозрачность. Абсолютная видимость. А если не смог бы, то почему? Что ты скрываешь от людей? В чём говоришь им неправду? Привела ли ложь ваш мир к тому состоянию, в котором вы хотите его видеть? Принесли ли вам пользу манипуляции рынком, обстоятельствами и отдельными людьми? Действительно ли „приватность“ — необходимое условие общественной и личной жизни? Что произошло бы, если бы каждый мог видеть всё? В этом есть своя ирония. Разве ты не понимаешь, что именно поэтому боялся первой встречи с Богом? Не понимаешь, что страшился конца всякого притворства? Но тебе нечего бояться. Никто не станет тебя судить, никто не ввергнет тебя в вечный огонь ада».

Когда я впервые прочитал этот отрывок, то сразу понял: такое изменение общества достойно стать смыслом моей жизни. Я прекрасно понимал, какое сопротивление встретит эта идея. И так же ясно понимал, что благодаря информатике у меня в руках есть ключ, с помощью которого можно начать воплощать эти перемены. Книги Уолша раз и навсегда изменили мою жизнь. Вскоре после этого появился первый проект, имевший самое непосредственное отношение к государственным финансам и управлению ими, — проект Государственного казначейства Словацкой Республики.

14 Работа в QBSW — проект государственного казначейства

После возвращения из Америки я ещё некоторое время пытался устроиться на стажировку в США. Тибору в тот год удалось получить место стажёра в одной IT-компании в Майами. Мы с Каткой вернулись в Словакию в начале сентября, а в середине сентября я полетел к Тибору в Майами, рассчитывая найти такую же стажировку, как у него. После некоторой перепалки с сотрудницей иммиграционной службы из-за визы, срок которой истекал через месяц, меня всё-таки впустили в страну. Найти стажировку мне не удалось, но всё равно ничего бы не вышло: позже я узнал, что после рабочей визы по программе Work And Travel нельзя было сразу получить визу для стажировки. Меня это не особенно расстроило — ещё во время пребывания в Америке я понял, что это не для меня.

Вернувшись в Словакию, я снова устроился в Asset, но на этот раз в новый проект под названием Dealing. Это была часть банковской информационной системы, с помощью которой дилеры банка торговали на биржах. Она была тесно связана с проектом «Ценные бумаги», но в большей степени ориентировалась на межбанковские сделки между дилерами банков. На этом проекте я познакомился с несколькими ровесниками, которые, в отличие от меня, учились на FEI. И вновь на живых примерах увидел, насколько непросто совмещать работу с учёбой в таком довольно сложном вузе. Некоторых в конце концов отчислили из FEI, и они перешли в Экономический университет. Вскоре новые коллеги предложили мне работу. Один менеджер Asset взял и ушёл в Министерство финансов, чтобы готовить документацию к тендеру на создание государственного казначейства, который министерство собиралось объявить в обозримом будущем. Этот сотрудник — назову его Михал Сухота — позднее стал в Словакии довольно известен: он фигурировал в нескольких громких коррупционных делах. Сухота был человеком незаурядным: всего на четыре или пять лет старше меня, но в Asset за ним закрепилась репутация, пожалуй, даже безжалостного менеджера, который всегда добивается своего. Люди, работавшие у него в подчинении, при его появлении в комнате всякий раз сидели как на иголках. Юло однажды сказал мне о нём что-то в том духе, что его используют как мощное и действенное оружие против трудноразрешимых проблем.

С самого начала было ясно, что от всей этой новой фирмы пахнет коррупцией. Но после событий девяностых годов в Словакии, когда взрывались автомобили предпринимателей и похитили сына президента, всё это казалось мне по сравнению с убийствами невинной потасовкой, неизбежной там, где делят большие деньги. Сегодня, когда подобные вещи воспринимаются гораздо острее, а нравственная планка поднялась значительно выше, я бы повёл себя иначе. Но к нынешнему пониманию мне ещё предстояло прийти. Теперь я знаю, что нравственная цельность бесценна. И всё же, по-моему, нельзя однозначно осуждать решения двадцатилетнего, не слишком искушённого студента, который ежедневно слышит, что всё общество погрязло в мошенничестве, что приватизация идёт бешеными темпами и каждый в этой крысиной гонке думает прежде всего о себе. В конце концов, именно примерно тогда и зародилась идея проекта прозрачных денег. Работа над государственным казначейством в каком-то смысле была близка моим планам реформирования общества.

То, что в работе QBSW далеко не всё чисто, в полной мере дошло до меня 11.09.2001. В тот день по каким-то каналам в QBSW пришла информация, что с большой вероятностью заказ на Государственное казначейство достанется нам. Через несколько минут мы уже смотрели по телевизору, как рушатся башни-близнецы. Я воспринял это как знак Вселенной:

если я продолжу в том же духе, за этим последует крах всего мироздания. Тогда во мне окончательно начало крепнуть внутреннее решение постепенно уйти из QBSW.

В QBSW под руководством Сухоты я ещё успел выполнить проект, который стал основой моей дипломной работы. Диплом был посвящён созданию информационной системы для компании, предоставлявшей услуги оперативного лизинга автомобилей. Проект нашёл Сухота, но выполняла его QBSW, а я служил связующим звеном между её разработчиками и заказчиком. Заказчик, вероятно, так никогда и не узнал, что систему на самом деле разрабатывала некая фирма QBSW. Они знали только меня и нашего администратора баз данных, который устанавливал им систему. В получение заказа я и сам внёс немалую лепту: однажды днём я представил директору лизинговой компании свою красивую схему, показывавшую, как наша система будет взаимодействовать с внешним окружением компании. Это была мастерская работа, и мне казалось, что она существенно повлияла на решение в конце концов заказать систему у нас. Всю систему в QBSW делали, наверное, чуть больше полугода; цена едва покрывала затраты на разработчиков, но заказ имел для QBSW ключевое значение: ещё до Государственного казначейства на реальном проекте сформировались команды разработчиков и был отлажен внутренний фреймворк, на котором всё создавалось. Диплом я состряпал за несколько дней: достаточно было взять несколько блок-схем и экранных форм, описать их — и дело сделано.

15 Разговор с Хильдой

Следующий разговор состоялся между мной и совладелицей Med-art во время домашнего забоя свиньи, который устроил мой отец. Я помню его лишь в общих чертах: некоторые фразы, возможно, звучали иначе или вовсе не произносились. И всё же я привожу его здесь в таком виде, потому что кому-то он может оказаться полезен.

«А какое у вас образование?» — спросил я, промывая кишки. «Психологическое», — ответила она. «Психология кажется мне очень интересной, — продолжил я. — Она соприкасается с самыми важными вопросами бытия. Ведь человеческая психика неразрывно связана с восприятием как таковым. Вы когда-нибудь задумывались, какой механизм вообще позволяет сущности, представляющей собой всё, что есть, породить нечто меньшее, чем всё? И каким-то образом отделённое от остального?» Хильда недоверчиво приподняла брови. Наверное, она не ожидала обсуждения подобных вещей за хлопотами вокруг забоя. Но меня это лишь воодушевило. «Представьте, что вы — всё, что есть. Кроме вас, ничего нет. Нет никакой внешней по отношению к вам области, на которую вы могли бы опереться. Как такая сущность может себя развлечь? Я не случайно приписываю сущему желание развлечься, подобное человеческому. В Библии в нескольких местах сказано, что человек создан по образу Божьему. Так что правильнее было бы сказать, что у человека потребности, сходные с потребностями сущего как такового. Как же может развлечься то, что является всем? Логично, что оно должно разделиться на меньшие части и словно на время забыть, чем является в действительности. А потом, играя в эти прятки, постепенно преодолевать то, что кажется неизвестным и чужим. Но лишь потому, что часть сущего забыла, каким целым она была прежде. И это новое обретение себя приносит облегчение, переживание которого придаёт всему смысл».

«Я считаю, что изучение такой науки, как психология, по-хорошему должно быть гораздо теснее связано, например, с онтологией — учением о бытии. Их следовало бы

изучать вместе — именно потому, что на всех уровнях элементы бытия, наделённые сознанием, обладают сходными свойствами и потребностями. Изучая человеческую психологию, можно многое понять о бытии как таковом. По-моему, ошибочно пытаться изучать внешний мир, а затем объяснять наше внутреннее устройство с помощью найденных там законов. Это никогда не сработает. За основу следует брать человеческое сознание. То, что природа вне нас при одинаковых условиях, по-видимому, всегда ведёт себя одинаково, — скорее случайность, чем железный принцип, определяющий, что должно происходить при любых обстоятельствах».

«Возьмите хотя бы то, что случилось совсем недавно, — обрушение башен-близнецов в Нью-Йорке. Все конспирологи мира взорвались: явный заговор, заранее заминированное здание, которое кто-то подорвал. Чтобы подобный заговор удался, пришлось бы справиться с задачей чудовищной сложности. Как незаметно заминировать целое здание? Как добиться, чтобы ни один из десятков людей, необходимых для этого, нигде не проговорился даже намёком? Это попросту статистически невозможно. Я скажу вам, чем башни-близнецы отличались в тот момент от обычного здания. На них по телевизору смотрели миллиарды людей, ожидавших, не случится ли чего-нибудь подобного. И это огромное ожидание — возможно, самое мощное совокупное ожидание за всю историю человечества — вполне могло, на мой взгляд, вызвать именно то, что произошло. Хотя у меня нет никаких доказательств своей теории, такое экзотическое объяснение кажется мне вероятнее версии о намеренном подрыве здания».

16 Med-art — альтернативная гражданская служба и публикация статьи

После окончания университета нужно было либо идти на обязательную военную службу, либо проходить заменявшую её так называемую альтернативную гражданскую службу. Отец устроил меня на гражданскую службу в Med-art. Поначалу предполагалось, что служба будет только для вида: официально я буду числиться в Med-art, а на деле заниматься своими делами. Однако всё изменил разговор с владельцем Med-art Яном Голецом. Когда я пожаловался ему на текущие перипетии в QBSW, он прямо посреди разговора вдруг решил, что гражданскую службу я должен буду проходить лично. Меня это изрядно застало врасплох, но в конечном счёте стало желанным выходом из QBSW, из суеты и стресса вокруг проектов, которыми я там занимался. Подсознательно я и без того хотел уйти. В Med-art мне поручили сделать новый сайт компании: прежний был совершенно запущен. За две недели я что-то состряпал, выглядело это вполне прилично — впрочем, при тогдашнем положении дел добиться такого было нетрудно. На сайте появился каталог лекарств, которые Med-art продавала аптекам, с актуальными ценами. Цены полуавтоматически переносились из внутренней информационной системы в таблицы MySQL, на которых работал сайт, поэтому оставались достаточно свежими. Новый сайт имел у руководства немалый успех — этим мне удалось заметно укрепить доверие владельца. Кому в Med-art мои успехи были не по душе, так это начальнику IT-отдела. Он видел во мне конкурента и явно опасался, что я могу занять его место.

Раз в три месяца Med-art выпускала собственный корпоративный журнал Medium. Я написал для него несколько статей — о виртуальной реальности, безопасном пользовании интернет-банкингом и на другие подобные просветительские темы. Но тогда же я готовил статью, публикация которой настолько потрясла мою жизнь, что на долгие годы направила её совсем не туда, куда я рассчитывал.

Некоторое время перед этим в еженедельнике Domino fórum, претендовавшем на роль издания для интеллектуалов, вышла моя статья под заголовком «Информационные технологии — наконец-то путь к новому обществу?». В сущности, я набросал в ней образ общества, о котором прочитал у Уолша. Добавил и некоторые собственные соображения, а также то, что знал, например, о Государственном казначействе и других актуальных темах. В том же самом номере вышел отклик на мою статью: автора, кажется, звали Матей Шустер, и он, разумеется, поверхностно раскритиковал всю идею. На некоторые его возражения можно было легко ответить, стоило только задуматься чуть глубже. Поэтому я решил написать ответ на его отклик и опубликовать его на сайте газеты sme.sk.

На следующий день после выхода статьи я сидел за компьютером в Med-art и отвечал на комментарии читателей. Но в ответах меня сильно занесло: некоторых участников обсуждения я совершенно зря оскорбил за то, что они посмели усомниться в моём «гениальном» плане спасения мира. Когда через несколько дней я перечитал свои ответы, мне хотелось провалиться сквозь землю от стыда. От комментариев разило самоуверенностью двадцатичетырёхлетнего сопляка, которому, похоже, до сих пор удавалось всё, за что он брался, и который был нездорово уверен в своих замыслах. Мне казалось, что этими комментариями я раз и навсегда похоронил свои планы изменить мир. В моих глазах достаточно было показать кому угодно эти ответы, чтобы человек понял: перед ним идиот, а

вовсе не гениальный реформатор, наконец несущий миру перемены, которые действительно сработают и навсегда изменят отношение людей друг к другу. Даже спустя годы мне трудно читать собственные комментарии, хотя, по сути, это был лишь сравнительно небольшой срыв, несопоставимый с тем, что некоторые люди способны писать в комментариях сегодня. Но тогда я так не думал. Я сам полностью вывел себя из игры. К тому же я похвастался статьёй перед начальником IT-отдела Med-art, и тот воспользовался случаем: вероятно, в красках расписал мою общественную революцию владельцу, Голецу. В некоторых ответах я ставил под сомнение капитализм как таковой; встречались там и замечания вроде: «Сходи к своему врачу и попроси выписать лекарство — увидишь, как совершенен капитализм». Владельцу компании, занимавшейся дистрибуцией лекарств, это, разумеется, понравиться не могло.

Поэтому буквально за один день меня перевели из IT-отдела на склад, где вместо создания сайта я стал собирать лекарства по заказам.

Страшное разочарование в самом себе — по сути, чувство, что одной статьёй и несколькими комментариями я катастрофически разрушил все свои планы на будущее, — вкупе с такими деталями, как перевод на низкоквалифицированную работу, тоже не улучшавшими настроения, привело к тому, что в одночасье я стал видеть всё в совершенно чёрном свете. Настолько, что перестал понимать, зачем мне дальше жить, и всё едва не закончилось плохо. В сущности, я отчаянно хотел умереть прямо на месте. Я так яростно отвергал реальность, казавшуюся мне окончательно испорченной, что сумел сознательно потерять сознание. Я с такой силой сосредоточился на своей первой сигнальной системе, что действительно смог усилием воли отключиться. Думаю, где-то здесь берут начало мои последующие проблемы с рассеянным склерозом. Вероятно, мне удалось щёлкнуть в организме каким-то выключателем, после чего тело начало атаковать само себя. Ведь рассеянный склероз — аутоиммунное заболевание: иммунные клетки нападают на другие клетки организма, полагая, что борются с инфекцией. Я потерял сознание на парковке перед Tesco. За мной приехала скорая; в машине я ненадолго пришёл в себя. Полностью очнулся уже на больничной койке в психиатрическом отделении. Увидев меня, принимавший врач заключил, что я, должно быть, принял какие-то наркотики. Мама возразила, что это исключено. Окончательный диагноз звучал так: шизофрения. Я сумел настолько расшатать собственное здоровье, что в последующие девять лет любое серьёзное психическое напряжение заканчивалось для меня приступом шизофрении и больницей в Нитре.

Приступы проявлялись у меня повышенной чувствительностью к любым психическим воздействиям. В таком состоянии я, например, мог расплакаться на грустной сцене фильма, хотя прежде со мной такого никогда не бывало. Однажды случилось даже так, что небольшое сомнение отца во мне причинило мне столь сильную боль, что во время психоза я пережил внутри себя распятие от первого лица.

17 Распятие

Отец сидит напротив меня за кухонным столом. Свет преломляется на краю стакана с чаем, в комнате — полуденная сонная тишина, в которой слышно даже собственное дыхание. Он опустошает мой кошелёк медленно, почти обрядово: бумажка за бумажкой, карточка за карточкой. Складывает всё в аккуратные стопки, словно перебирает рис перед варкой.

«А это тебе зачем?» — спрашивает он, и по его лбу пробегает тень. Его слова поднимают во мне бурю. Левое запястье пронзает чудовищная тупая боль. Запястье пробито толстым римским гвоздём. Его недоверие в такой пустяковой вещи — ведь наверняка есть какая-то причина, по которой эта карточка лежит у меня в кошельке, — в моём психозе усиливается настолько, что я переживаю распятие от первого лица.

«Это пропуск в тренажёрный зал, без него меня туда не пустят». Отец кивает: понял. Во мне возникает огромное облегчение оттого, что он понял, — что я не какой-то странный человек, который без всякой причины таскает в кошельке хлам. Боль в левом запястье исчезает. Облегчение столь же сильно, сколь прежде была усилена боль.

Тут же следует новый вопрос: «А это у тебя для чего?» Чудовищная тупая боль в левом запястье возвращается вместе с отчётливым стуком молотка, во второй раз ударяющего по уже вбитому гвоздю.

Боже Отче, почему он спрашивает о столь очевидном? Почему просто не доверяет мне? После объяснения приходит такое же облегчение, как после первого ответа. И я понимаю, что только что во всей полноте пережил круговорот бытия: сначала страдание от неясности, сомнение в самом себе до глубины души. Затем — прояснение и огромное облегчение. Облегчение, которое оправдывает и исцеляет даже такую страшную физическую боль, какую может причинить распятие человека. Боже Отче, благодарю Тебя, что всё закончилось именно так! Слёзы подступают к глазам.

Боже Отче, Сын Тебя зовёт — пусть и гора оживёт! Ведь даже камень может, да и должен это ощутить, бытие своим бытием насытить!

Я никогда не задумывался о том, как именно людей распинали. Меня удивило, что гвозди я чувствовал в запястьях, а не в ладонях, как это обычно изображают. Позже я спрашивал бабушку и одного священника, куда именно вбивали гвозди при распятии Иисуса. Оба говорили, что в запястья, а не в ладони, потому что ладони не выдержали бы всей тяжести тела.

18 Прага

Кое-как оправившись от истории со своими злополучными комментариями к статье, в Med-art я уже не вернулся. Начался неприятный период поисков работы, на которой мне было бы хорошо. Сначала я попробовал устроиться в Нитре в фирму, разрабатывавшую банковскую систему. Но всё там было написано на C, а после нескольких лет работы с языками более высокого уровня, где программисту не приходилось заботиться о выделении и освобождении памяти, это казалось мне очень неудобным. Следующая попытка была в компании, поставлявшей разным банкам системы Treasury. Это тоже оказалось не моим: слишком далеко от программирования. По сути, речь шла о консалтинге, для которого требовалось досконально разбираться в поставляемой компанией системе. Но с третьей попытки поиски увенчались успехом. Тем временем Тибор нашёл в Праге очень хорошо оплачиваемую работу в качестве индивидуального предпринимателя. К тому времени я уже слышал о нескольких бывших однокурсниках, которым удалось подобным образом устроиться в Праге. Поэтому стал просматривать вакансии на чешских сайтах. И наконец подходящий вариант нашёлся. В Accenture искали специалиста по Oracle для проекта интернет-банкинга в Česká spořitelna. Собеседование прошло совершенно гладко, хотя я видел, что отбиравший меня словацкий менеджер не вполне уверен в моих способностях. Никакой проверки навыков не было: он взял меня просто потому, что я произвёл на него хорошее впечатление.

Но уже после первого рабочего дня я понял: наконец-то это работа, на которой я буду чувствовать себя как рыба в воде. Речь шла исключительно о разработке на PL/SQL для базы данных банка в рамках проекта интернет-банкинга. Интернет-банкинг модернизировали, добавляли GSM-банкинг и множество других функций. Моим руководителем стал очень способный коллега, на год или два старше меня, — Йирка Дворжак. Йирка так быстро соображал, что порой казался мне недосягаемо далеко впереди. Благодаря этому я находился в своего рода интеллектуальной тихой гавани: если что-то было непонятно, достаточно было спросить его — и проблема исчезала. В Праге мне было очень хорошо. Неподалёку от работы я нашёл небольшую квартиру, в которую со временем переехала ко мне Катка. Нам жилось прекрасно: денег хватало, ели мы в основном в ресторанах, никаких забот. Нужно было лишь раз в неделю купить продукты и прибраться, чтобы дома было приятно находиться. Катка нашла нерегулярную подработку в языковой школе, где преподавала немецкий. Зарабатывала она немного, но в большем и не было нужды. И всё же, несмотря на хорошую жизнь, между нами начались трения: с её взглядами на некоторые вещи я не мог примириться. Вероятно, сказывалось и постоянное пребывание рядом — некоторые черты её характера стали меня сильно раздражать. В конце концов мы расстались, и она уехала в Лондон работать au pair. После некоторого спокойного периода о себе напомнила шизофрения. Странное было время — кажется, ноябрь 2004 года. Я не помню точно, что тогда произошло: снова стал чрезмерно чувствителен ко всем психическим впечатлениям. Кажется, была пятница, и рабочую неделю я завершил тем, что заплатил пражскому таксисту несколько тысяч чешских крон, чтобы он отвёз меня домой в Нитру, — это около 420 километров. Сил трястись в автобусе у меня не было. Я снова оказался в больнице. По-моему, это случилось в тот же день, когда на Высокие Татры обрушился ураган. В воздухе носилось что-то дурное, и меня совершенно выбило из колеи. Это, конечно, была не гроза в буквальном смысле, как поётся в словацком гимне, но,

увидев разрушения после урагана, я первым делом подумал: после такой беды словаки могли бы наконец по-настоящему ожить, как поётся в гимне.

Когда через несколько недель я вернулся в Прагу уже в спокойном состоянии, менеджер Accenture предложил мне такие условия на следующие полгода, что я только диву дался. Мне предложили полугодовой контракт с оплатой, в пересчёте, 60 EUR в час. За эти полгода благодаря контракту я фактически удвоил своё состояние. Это был самый высокооплачиваемый период моей жизни. К сожалению, длился он недолго: менеджер обзавёлся семьёй в Словакии, а мне в Česká spořitelna после окончания контракта предложили обычный трудовой договор на постоянную работу. В профессиональном отношении дела ухудшились: на проекте мне было довольно скучно, и к концу контракта от этой скуки я уже отчасти выгорел и слегка сходил с ума, изыскивая способы чем-нибудь убить время. Когда в банке захотели перевести меня на обычную штатную работу за деньги, смехотворные по сравнению с прежним контрактом, я решил попытать счастья в другом месте.

19 Отпуск в Индии

В сентябре 2006 года я провёл две недели отпуска в Индии. Страна потрясла меня своей бедностью. Увидев, в какой нищете живёт такое огромное количество людей, я понял, какой колоссальный потенциал есть у Индии. Если бы каждая протянутая за подаянием рука начала делать что-нибудь осмысленное, происходили бы чудеса. О том, чем можно было бы заняться, кричала каждая запущенная, полуразрушенная улица, каждое здание, каждый храм. Состояние Индии напоминало мне Германию после Второй мировой войны, которую я видел в разных исторических документальных фильмах. Если бы кто-то взялся осуществить в Индии нечто вроде плана Маршалла, эффект был бы ещё сильнее, чем в Европе после войны.

У Тадж-Махала

После отпуска, обеспокоенный самочувствием — ходить почему-то стало подозрительно тяжело, — я обратился в неврологию. Меня положили в больницу, где из-за подозрения на рассеянный склероз взяли спинномозговую жидкость. Но когда я сказал неврологу, что незадолго до этого отдыхал в Индии, он сразу решил, что я, вероятно, подхватил там какую-то экзотическую болезнь, и перевёл меня в инфекционное отделение. Когда результаты анализа спинномозговой жидкости пришли из Братиславы в больницу Нитры, ни один невролог их не увидел, потому что я уже лежал в инфекционном. Только через пять лет результаты попали к моему участковому неврологу, и та с первого взгляда сказала: «Да ведь у вас рассеянный склероз». Из-за беспорядка в неврологическом и инфекционном отделениях я потерял пять лет лечения. Очень вероятно, что, начни меня лечить сразу, как и следовало, я не оказался бы в инвалидной коляске. Но отчасти я и сам виноват в своём состоянии: несколько раз ясно чувствовал, что со мной не всё в порядке, однако, успокоенный предыдущими обследованиями, оставлял всё как есть.

20 Ирландия

Вернувшись из отпуска, я прошёл собеседование с одним чехом, который руководил проектом в компании, разрабатывавшей информационную систему для ирландских университетов. Его звали Ян Навратил. Сменить обстановку, переехав в другую страну, мне казалось заманчивым. Но в Ирландии я не продержался и полугода. Знакомых там у меня не было, всё стоило так дорого, что я не мог позволить себе даже есть в ресторанах. Только за комнату в трёхкомнатной квартире я платил 700 EUR — примерно треть зарплаты. И в проект я не сумел включиться так, как от меня ожидали. Ян Навратил оправдал свою фамилию: ему удалось очень быстро вернуть меня в Словакию.

21 Sony и автомобильная авария

Ещё работая в Ирландии, я договорился о собеседовании в Словакии по поводу возможной работы в Sony Slovakia. Приступил к ней где-то в мае 2007 года. Каждый день я ездил на своей машине в Трнаву, где находился завод Sony, и заодно возил других сотрудников из Нитры, которые скидывались на бензин. IT-отделом руководил какой-то венгр, о котором я ежедневно наслушивался по дороге на работу. Судя по всему, он был весьма некомпетентен и компенсировал это, издеваясь над подчинёнными. На меня прямого влияния у него не было: я работал в подразделении, расположенном ниже в иерархии, и между нами находилось несколько разумных людей, которые вели себя нормально. Но каждое утро я возил коллегу, подчинявшегося ему непосредственно, и тот в красках описывал всё происходившее. В одну из августовских пятниц 2007 года сошлось несколько неприятностей, и у меня резко сорвало крышу. Утром по дороге на работу я опять выслушивал измученного стрессом коллегу, жаловавшегося на начальника; на работе мне поручили вещи, с которыми я чувствовал себя не вполне уверенно; навалилось чувство неудачи после провалившейся ирландской затеи. Всё это привело к мысли, что дальше так жить просто бессмысленно. На работе я проводил в туалете больше времени, чем за компьютером, и накручивал себя: надо что-то коренным образом менять. Вернувшись в Нитру, я сел в машину и направился на дорогу, которую знал лучше, чем любую другую. Дорогу к бабушке. По пути я пристегнул ремень: вспомнил отца, который напоминал мне об этом перед каждой поездкой. Не хотелось обсуждать штраф с каким-нибудь полицейским, если меня вдруг остановят непристёгнутым. Постоянные отцовские поучения, вероятно, спасли мне жизнь. Вскоре за Цабаем был участок, где дорога уходила влево, а прямо впереди стояло дерево. Увидев его, я на миг обрадовался, что нашёл искомое. Достаточно было не вписаться в поворот — и дело сделано. Водитель ехавшей сзади машины после аварии сразу остановился и побежал ко мне на помощь. Первое, что он услышал от меня, было что-то вроде: «Так человеку уже и покончить с собой свободно нельзя?» К счастью, он толком не разобрал моего бормотания. С его точки зрения всё выглядело так, будто я просто на мгновение заснул за рулём и пропустил поворот. Когда приехали мама и дядя, я сказал им, что это была попытка самоубийства. Мама восприняла её как очередное проявление шизофрении, и я снова оказался в психиатрическом отделении больницы Нитры.

22 Возвращение в Прагу

После больницы в Sony я уже не вернулся. Примерно тогда я познакомился с одним парнем — Мартином. У него в Словакии была фирма, продававшая услуги, связанные с веб-сайтами. Он мне вполне понравился: был довольно умён, и с ним было весело. Услышав, чем он занимается, я подумал, что то же самое можно повторить в Праге, на чешском рынке. Мы учредили общество с ограниченной ответственностью, я переехал в Прагу, снял там квартиру на фирму и попытался продавать, по сути, разработку сайтов на заказ чешским клиентам. Я быстро понял, что продавать услуги, уже ставшие к тому времени обычными, — дело нелёгкое. Уже тогда имело смысл создавать сервисы, с помощью которых практически любой мог бы сделать себе сайт за небольшие деньги. А мы разрабатывали сайты отдельно для каждой компании, и по тем временам это уже было не лучшей бизнес-моделью. Кажется, фирму кое-как удавалось удерживать на плаву, но большого успеха не было. По сути, от убытков нас спасло лишь то, что через свои прежние пражские связи я пристроил бывшего однокурсника как способного разработчика баз данных на какой-то проект в Česká pojišťovna. Позднее мы нашли в Чехии партнёров, которые пользовались продуктом Мартина — CMS на основе dot Net, — и стали дорабатывать его под нужды разных клиентов этой чешской фирмы. Но мою работу в Праге вновь прервала болезнь. Мне снова пришлось отправиться в больницу Нитры, где меня приводили в чувство. Череда неудач оказалась для меня непосильной: у меня не было ни смысла жизни, ни осмысленных отношений, в которых я видел бы реальную перспективу, и всё это сказывалось на психическом состоянии самым дурным образом. На этот раз, однако, больница не помогла, и мне пришлось ещё три месяца провести в Залужье под Нитрой. Когда там меня кое-как привели в порядок, я стал присматривать работу. Дела фирмы постепенно полностью передал Мартину.

23 Infostat и проект для Eurostat

В начале лета 2009 года я впервые в жизни устроился в Словакии на постоянную штатную работу — программистом баз данных в Infostat. Infostat был полугосударственной организацией при Статистическом управлении Словацкой Республики. Сначала я работал над проектом, связанным со сводными статистическими показателями. Но постепенно меня перевели на проект, который Eurostat — а возможно, непосредственно Европейская комиссия — поручил партнёрским организациям в форме какого-то гранта. Суть состояла в том, что Eurostat стремился повысить эффективность статистических ведомств разных стран. Был разработан формат статистических данных SDMX, а различным компаниям по всему Европейскому союзу поручили создать инструменты для обмена данными в этом формате.

Наш проект должен был выяснить, нельзя ли приспособить уже существующие средства SDMX так, чтобы с их помощью собирать и микроданные — например, сведения из заполняемых статистических форм. Infostat получил грант, поскольку прежде разрабатывал систему статистических микроанкет для сбора данных непосредственно у респондентов — предпринимателей или физических лиц. Когда меня перевели на проект, его руководители были несколько подавлены: никому пока не удалось придумать, как связать стандарт SDMX с формами. Вскоре состоялась первая командировка в Люксембург. Поехала вся команда, так или иначе участвовавшая в проекте. Целью поездки было наконец сдвинуть дело с мёртвой точки и разобраться с проблемой. После обсуждения в Eurostat стало ясно, что особой

помощи в её решении от них не будет. По возвращении коллега, тоже ездившая в командировку, сделала простую вещь: на основе одного из XSD-артефактов SDMX создала файл, примитивно описывавший форму. Она представила всю форму в виде таблицы, ячейки которой соответствовали отдельным полям. Увидев это, я подумал, что на такой основе можно построить простую систему, которая будет создавать по описанию электронную форму и позволит собирать данные. По сути, это было решение для сбора микроданных с помощью SDMX, только на самом примитивном уровне. Мы использовали SDMX неудобным способом и не по назначению, решение хромало на обе ноги, но раз от нас хотели, чтобы мы забили гвоздь отвёрткой, — мы выполнили пожелание. Такую систему я состряпал довольно быстро, и никто не мог возразить, что задача не выполнена. Когда потом я показывал её другим участникам какой-то конференции SDMX, кажется, в Гётеборге, они лишь посмеялись: да, нам было интересно, как вы решили эту проблему, но Нобелевской премии за это вы, пожалуй, не получите. В итоге благодаря крепким «политическим» связям руководителя проекта в Eurostat проект получил продолжение. Во второй его части руководителем был уже я. Я подключил свою систему форм к инфраструктуре SDMX в режиме онлайн, воспользовавшись программными пакетами, разработанными для SDMX. Мне даже удалось добиться, чтобы за некоторое вознаграждение в проекте официально помогали Мартин и другие близкие мне люди. В этой части проекта мы с Мартином перевели систему форм на более современную архитектуру и добавили связь с инфраструктурой SDMX. Получилась универсальная система форм с подключением к SDMX. В Infostat платили скверно, но возможность привлекать к работе близких мне внешних исполнителей отчасти это компенсировала. Позднее Мартин отплатил мне за такую помощь, уже сам наняв меня на работу. Получив возможность решать, куда пойдут проектные деньги, я соприкоснулся с искушениями, которые несёт такое положение. Выдержал я испытание лишь посредственно, но теперь, оглядываясь назад, вижу в этом опыте очень ценный урок: в подобных ситуациях нужно чрезвычайно внимательно следить за собой, потому что оступиться довольно легко. Некоторые вещи я осознал только сейчас, спустя более чем тринадцать лет. Самый ценный вывод состоял в том, что общественная реформа не может держаться на нравственности или безнравственности одного человека. Всё должно быть устроено так, чтобы достаточно хорошо работать и при сравнительно невысоких нравственных качествах тех, кто будет реформу осуществлять. Даже если центральная фигура общественного преобразования окажется эталоном нравственности и справедливости, легко может случиться, что в один прекрасный день этого человека не станет. И всё же переход должен продолжаться с тем же качеством — в том числе при участии людей, гораздо более подверженных разным мирским соблазнам.

24 Долгая дорога домой из Люксембурга

Последняя, заключительная встреча по проекту в Люксембурге обернулась настоящим приключением. Я недооценил необходимый запас времени перед вылетом, а водитель Infostat ещё и не туда свернул на подъезде к аэропорту, так что я опоздал на самолёт. Не знал, что делать. Самым приемлемым выходом показалось купить билет на другой рейс — это обошлось мне в 500 EUR из собственного кармана. Напряжение было таким сильным, что я, вероятно, впал в лёгкий психоз: снова стал слишком остро всё переживать. В зале вылета люди ожидали рейса в Амстердам, где мне предстояла пересадка. Среди них была и группа чернокожих. Там же находился один белый парень, выбритый наголо. Не знаю, насколько объективно я его воспринимал, но, на мой взгляд, от каждого его жеста так и веяло расизмом. Присутствие чернокожих явно его раздражало. Я размышлял, как он видит происходящее, и пытался поставить себя на его место. Думаю, что у белых людей, которые в своей культурной среде редко сталкивались с таким разнообразием, некое внутреннее неприятие контакта с людьми другого цвета кожи заложено природой. Просто резкое отличие, особенно если мы не привыкли к нему с рождения, вызывает отрицательные чувства. Но на то человеку и дана голова, чтобы не давать в себе воли подобным примитивным предрассудкам. Чтобы не идти на поводу у первой сигнальной системы, а владеть собой. Необходимость сознательно управлять своими чувствами в положительном направлении пронизывает человеческую жизнь насквозь. Если бы мы все по первому импульсу выплёскивали свои чувства наружу, цивилизация распалась бы за неделю.

Увидев, как ёрзает этот бритоголовый парень, я сделал нечто, что ещё сильнее его смутило. Открыл бутылку холодного чая и выпил прямо из горлышка. Тут же предложил выпить из той же бутылки сидевшему рядом чернокожему. Он отказался от напитка, но я подозревал, что он понял, зачем я это сделал. Он любезно поблагодарил и улыбнулся мне. Бритоголовый, увидев, как я предлагаю чернокожему пить из своей бутылки, чуть не взорвался на месте. Некоторое время меня забавляло, как мой поступок выбил его из колеи, а потом я сел в самолёт. Вышел в Амстердаме, где нужно было ждать рейса в Люксембург.

В амстердамском аэропорту Схипхол я около двух часов просидел в пиццерии. Рядом крутилась какая-то искательница приключений — то ли местная, то ли международного размаха — с внешностью стюардессы. Я ей явно понравился, и некоторое время, пока она не поняла, что здесь ничего не светит, она посылала в мою сторону всевозможные сигналы заигрывания. Пытаясь поставить себя на её место, я чувствовал, что она часто знакомится в аэропорту с мужчинами ради разовых встреч и ей это весьма по душе.

Приехав в Люксембург, я поселился в давно знакомом отеле и подготовился к понедельнику. Весь понедельник я опять был чрезвычайно чувствителен ко всему. На заключительной презентации показал свою разработку — полноценную систему анкетирования с одной конкретной анкетой как примером возможного применения. Она была связана с существующими инструментами SDMX, поэтому сразу после сбора данные можно было публиковать в SDMX. В тот день я старался вжиться в каждого человека, с которым общался. Подозреваю, это как-то проявлялось внешне, потому что нормальным такое поведение, вероятно, не было.

Обратная дорога оказалась ещё большим приключением. Снова возникли проблемы с рейсами: в Амстердаме мы не успели на самолёт в Вену. Во время перелёта из Люксембурга в Амстердам я сидел рядом с ирландцем. В него я тоже усиленно пытался вжиться: мне была

интересна история совершенно незнакомого человека, которого встречаешь в самолёте. Он, видимо, чувствовал, что с моей стороны что-то происходит, потому что спустя некоторое время заговорил со мной. Оказалось, что он банкир из UBS. Больше всего он рассказывал о дочерях. О том, что ему не хватает времени на них. Словно чувствовал необходимость передо мной оправдаться. Прилетев в Амстердам и не успев на стыковочный рейс в Вену, я был вынужден там заночевать. Спал, наверное, всего три часа в отеле рядом с аэропортом. В пять утра уже снова был в аэропорту и ждал вылета в Вену. После посадки в Швехате почувствовал, что опять взвинчен. Взгляд упал на табло с расписанием поездов до Вены. Вместо Братиславы я отправился в Вену — просто потому, что это показалось хорошей идеей. Там пообедал в каком-то хорошем ресторане. Разбираться, как добраться до Братиславы, не хотелось. Я попросил вызвать такси, которое отвезло меня в Братиславу к Infostat, где меня забрал отец. Когда мы приехали в Нитру, родители быстро поняли, что опять происходит, и отвезли меня в больницу. Это был мой последний приступ шизофрении. С того сентября 2012 года и до сегодняшнего дня подобное больше не повторялось.

После завершения второй части проекта нового гранта Infostat уже не получил — наверное, не хватило нужных политических связей, которыми располагал прежний руководитель проекта в Infostat. Ведь сам результат был на уровень выше, чем в первом проекте. Просто я не сумел достаточно убедительно представить его людям из Eurostat. По окончании проекта в Infostat не нашлось для меня другой работы, и меня быстро выпроводили, к счастью, с выходным пособием.

25 Работа в компании, предлагавшей форекс-роботов

После того как я ушёл из Infostat, Мартин предложил мне помогать ему с информационной системой для одного из своих клиентов. Речь шла о проекте, через который продавались так называемые форекс-роботы. Утверждалось, что роботы зарабатывают на кратковременных арбитражных расхождениях, возникающих на форекс-рынках.

Форекс — это биржа, где торгуют валютными парами. Иными словами, клиент Мартина утверждал, что разработал алгоритмы, способные зарабатывать деньги, совершая сделки с валютными парами на форекс-биржах.

При ближайшем рассмотрении бизнес-модель компании кое-чем напоминала финансовую пирамиду. Особенно после того, как я увидел, насколько тщательно там был выстроен многоуровневый маркетинг. Когда я рассказал Тибору, как всё работает, он сразу же осудил проект. Просуществовал бизнес относительно недолго: его закрыли какие-то чешские государственные органы. Меня устраивало, что у меня есть работа, которую можно выполнять из дома. К тому времени рассеянный склероз уже сильно прогрессировал: я не мог просто прийти куда-нибудь и попросить работу, потому что работать мог только полностью удалённо. А тогда это ещё не было столь привычным делом, как после COVID.

Так что я радовался уже тому, что имел, держался тихо и надеялся, что всё как-нибудь разумно разрешится. Где-то в течение 2016 года мы с Мартином разошлись во мнениях по нескольким вопросам, поссорились, и я остался без работы.

26 Субсидия на покупку автомобиля

В тот период становилось ясно, что я, вероятно, окажусь в инвалидной коляске. Оформляя удостоверение человека с тяжёлой инвалидностью, я узнал, что при наличии работы можно запросить довольно крупную субсидию на автомобиль для поездок на неё. Но существовало условие: стоимость имущества человека, не считая жилья, в котором он проживает, не должна превышать 30 000 EUR. Этому условию я не соответствовал. Однако никто ничего не проверял. Когда я размышлял, подавать ли заявление, стабильной работы у меня как раз не было, и казалось, что, если так пойдёт дальше, моё имущество само по себе сократится до суммы ниже этого порога. Я учитывал и то, что пенсии по инвалидности наверняка не хватит на содержание в учреждении с круглосуточным уходом, которое, вероятно, понадобится мне в будущем, когда родители больше не смогут обо мне заботиться. Взвесив всё, я решил, что разумнее будет всё-таки подать заявление на субсидию.

Я устроился в фирму бывшего однокурсника и получил субсидию. В конце концов моё состояние ухудшалось настолько стремительно, что автомобиль с ручным управлением оказался мне практически бесполезен: я не мог самостоятельно в него сесть. Более того, покупка обернулась исключительно неприятностями и едва не стоила здоровья отцу. Не привыкший к автоматической коробке передач, он однажды неправильно припарковал машину, она покатилась и сбила его. К счастью, обошлось без последствий. После этого я предпочёл в сентябре 2023 года вернуть полученную субсидию Управлению по социальным вопросам и делам семьи.

С 2016 по 2019 год у меня не было сил где-либо работать: мне нужно было научиться жить со своей тяжёлой инвалидностью. Что до денег, на жизнь требовалось совсем немного, поскольку мы с родителями поселились в доме в Цабае, который купили вместе. По сути, расходы покрывались пенсией по инвалидности и доходом от сдачи квартиры.

27 Работа в корпорациях

В течение 2019 года я кое-как приспособился к своему новому состоянию: рассеянный склероз полностью лишил меня возможности пользоваться ногами, и с 2017 года я передвигался в коляске. Мы стали жить в деревне — в спокойном месте, в красивом одноэтажном доме. При доме был и сад в девять соток, за которым родители начали образцово ухаживать. Где-то в 2019 году я стал систематически работать над «Видимыми деньгами». Из рассказов Тибора я знал, какие технологии он использует в своей фирме. Решил выбрать тот же технологический стек, чтобы при необходимости мы могли впоследствии дополнять друг друга. Отличалась только база данных: здесь я, конечно, использовал Oracle, с которым работал уже двадцать лет. Для бэкенда взял Python-фреймворк FastAPI — в то время новинку, но многообещающую. Для фронтендов использовал VUE.js. Первая версия включала только регистрацию пользователей.

В течение 2020 года я начал присматривать работу. В марте 2021-го прошёл собеседование в одну итальянскую корпорацию, поставлявшую кредитные регистры в разные страны мира. В Словакии у неё было подразделение разработки. Собеседование прошло удачно, и с апреля 2021 года у меня наконец снова появилась работа. И не какая-нибудь: рыночная оплата труда старшего программиста, работающего как индивидуальный предприниматель. При моих расходах на жизнь, которые, по сути, покрывались пенсией по инвалидности, это позволяло ежемесячно откладывать довольно значительные суммы.

Применение деньгам нашлось легко: кто-нибудь мог бы помогать мне с «Видимыми деньгами». На одном форуме разработчиков VUE я нашёл нескольких кандидатов, способных и готовых помочь. Среди них был индиец, который меня поразил: он не выполнил выданное мною задание, а сделал по-своему, утверждая, что так лучше, чем я задумал. Поразмыслив, я вынужден был признать его правоту. Победитель определился сам собой.

Абхишек — так его звали — с самого начала приносил ощутимую пользу. Он помог мне разобраться с некоторыми техническими проблемами проекта и решить их. Разработка устроена так, что ведётся в виртуальной машине Linux, где заранее установлено всё необходимое. Виртуальная машина — что-то вроде отдельного компьютера внутри компьютера, причём сам компьютер и его поведение эмулируются. Любой человек может легко скопировать такую виртуальную машину и сразу приступить к работе, ничего дополнительно не устанавливая. Благодаря моему довольно щедрому финансированию Абхишек привлёк ещё двух индийцев, так что над проектом фактически работали трое.

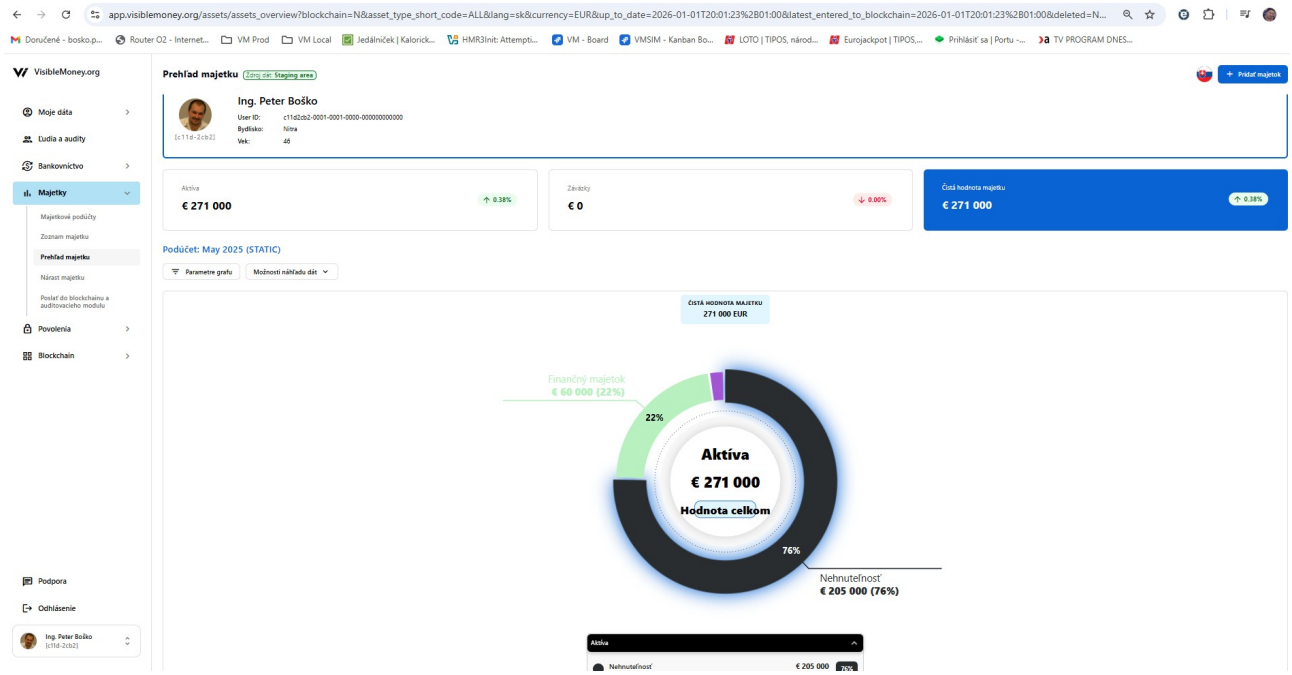
Один работал полный день, а у двоих была ещё другая работа. Поэтому разработка фронтендов довольно быстро продвинулась вперёд. Я помимо основной работы успевал заниматься базой данных и бэкендом. На основной работе я многому научился: некоторые вещи у итальянцев были проработаны так, как нигде из тех мест, где я трудился прежде. В частности, для обеспечения качества кода у них был разработан инструмент под названием Test Tool.

Это было приложение для автоматизированного тестирования поставляемого программного обеспечения. Перед тестом оно позволяло загрузить в базу необходимые данные из файлов, которые само же умело создавать по заданным правилам. Таким образом, первым шагом автоматизированного теста была загрузка этих данных, следующим мог стать запуск проверяемой функции, а в конце, после завершения основной части теста,

приложение обращалось к базе. У него был SQL-запрос на выборку, который оно выполняло и затем сравнивало результат с ожидаемым состоянием. Если всё было в порядке, тест отмечался как успешный; если нет, требовалось разбираться, в чём проблема. Возможность автоматически запускать целые наборы тестов делала это приложение важным помощником компании в обеспечении качества кода. Перед установкой клиенту новейшей версии приложения в предшествующие выходные таким образом автоматически выполнялись тысячи тестов. В пятницу вечером запускали процесс, а в понедельник утром смотрели, что прошло неудачно. Если все тесты были пройдены, это почти гарантировало, что всё работает как надо.

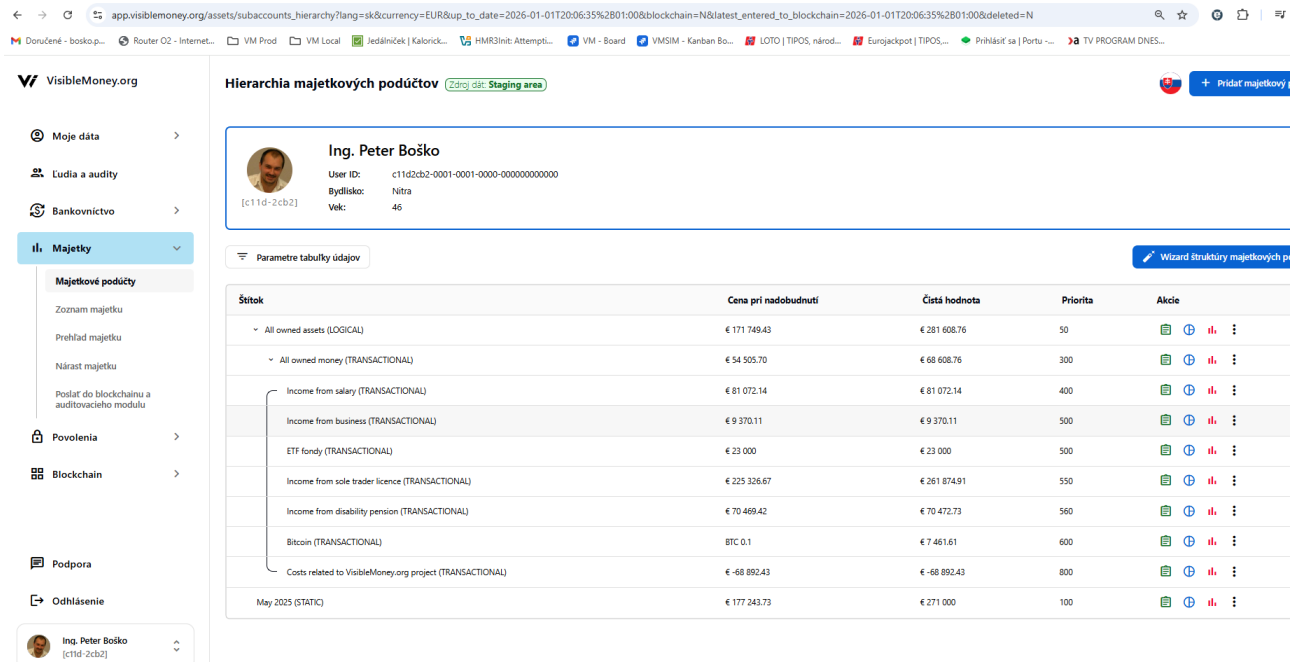
28 Представление проекта «Видимые деньги» в его нынешнем виде

Проект посвящён повышению прозрачности движения имущества и финансовых потоков в обществе. В нынешнем виде он позволяет составить декларацию об имуществе — например, статическую, представляющую собой просто перечень имущества человека на определённый момент. В приложение можно перейти одним щелчком с сайта https://viditelnepeniaze.sk или открыть его напрямую по адресу https://app.visiblemoney.org/?lang=sk

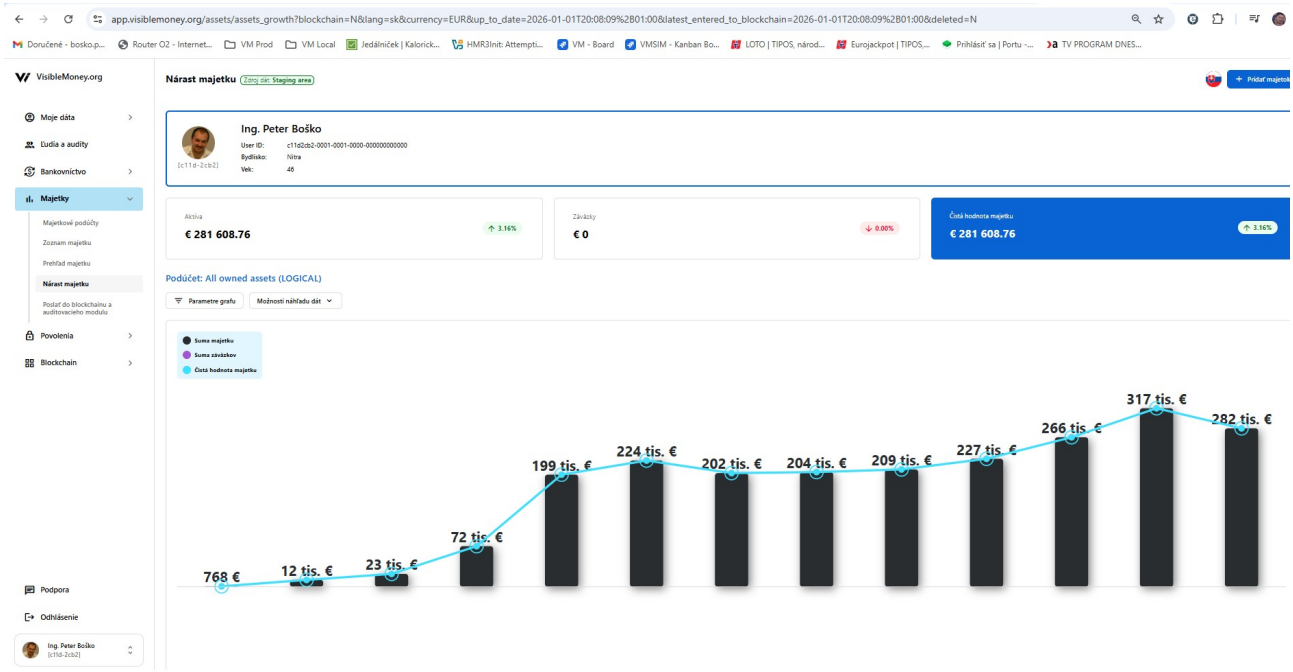


Моя статическая декларация об имуществе в проекте по состоянию на май 2025 года

Можно также составить в проекте углублённую декларацию об имуществе, охватывающую разные периоды времени. Из неё можно узнать, например, сколько человек заработал на сделках с недвижимостью или другими видами имущества. Таким образом, становится подробно видно, как его состояние достигло нынешнего уровня.



Структура моих имущественных субсчетов в углублённой декларации об имуществе в приложении

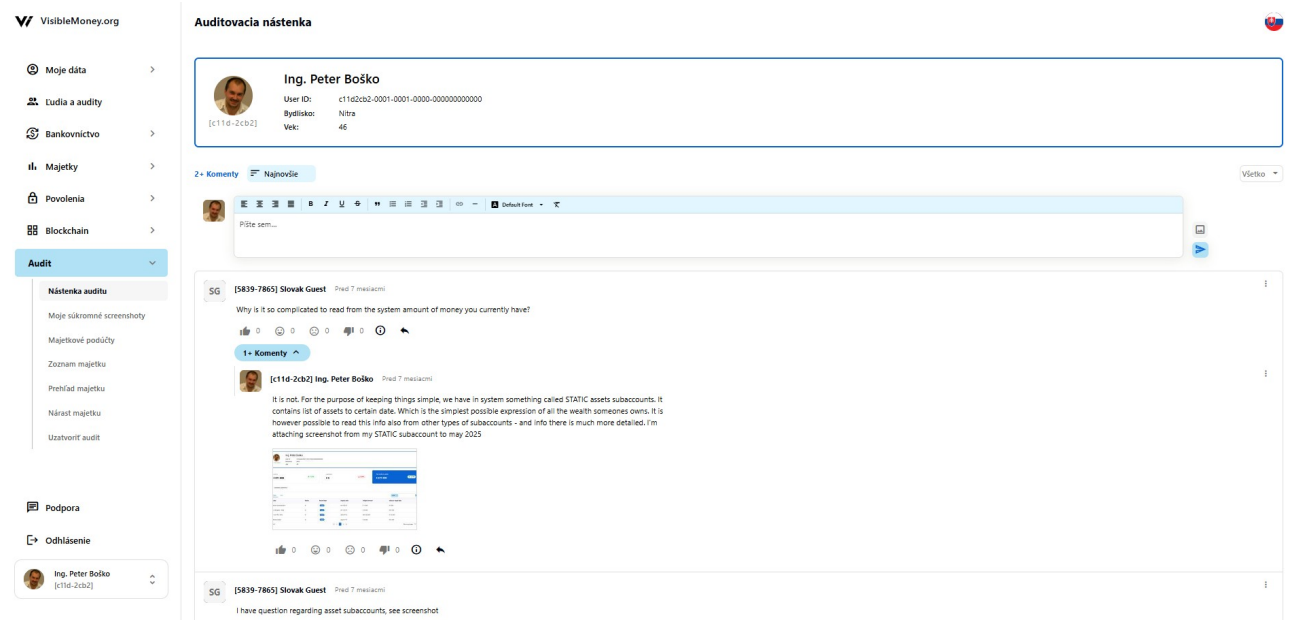


Рост моего состояния с течением времени — с 1998 по 2025 год — в приложении

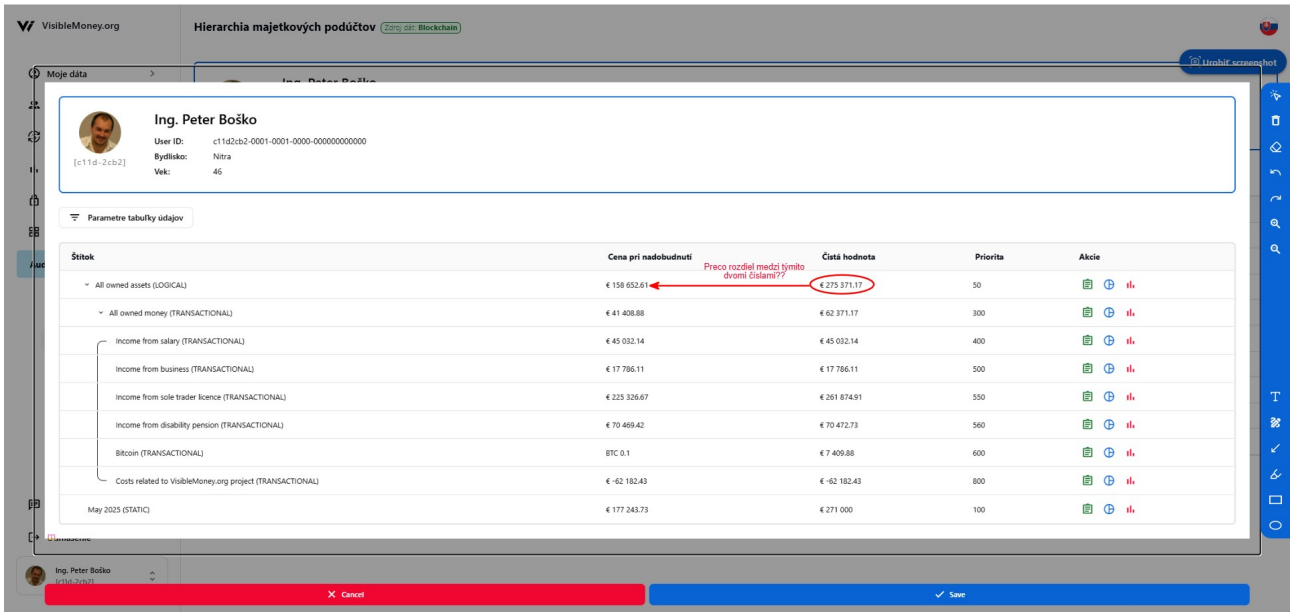
Не менее важная часть возможностей проекта — так называемый аудит. Он позволяет другим участникам проекта просматривать имущественные данные пользователя. Право на такой просмотр может определяться степенью прозрачности, которую человек выбирает в проекте: от полного отсутствия прозрачности через прозрачность по запросу и прозрачность при посредничестве третьего лица — так называемого публичного аудитора — до полной прозрачности. Прозрачность по запросу означает, что, когда кто-то просит предоставить доступ к данным пользователя, тот должен явно одобрить этот запрос. Лишь после этого данные станут доступны. Прозрачность через публичного аудитора означает, что запрос на аудит вместе с описанием поступает третьему лицу, уполномоченному отвечать на подобные

обращения. Его задача — изучить материалы, затем провести аудит данных и сообщить результат тому, кто обратился с запросом. Полная прозрачность означает, что любой подтверждённый пользователь приложения вправе провести аудит данных другого пользователя. Ещё один способ ограничить круг тех, кто увидит данные, — разрешить аудит только пользователям, чья личность подтверждена документом: удостоверением личности, паспортом или другим подобным документом. Таким образом можно добиться, чтобы аудит пользователя мог проводить только тот, кто выступает под собственным именем.

В той части приложения, где проводится аудит, предусмотрена так называемая доска аудита. По сути, это аналог интернет-доски сообщений, на которой могут оставлять свои замечания все пользователи, получившие доступ к аудиту. Модуль аудита позволяет сделать снимок текущего экрана, добавить к нему комментарии или выделить отдельные сведения. Затем такой снимок с комментарием можно разместить на доске аудита пользователя.



Доска аудита в приложении



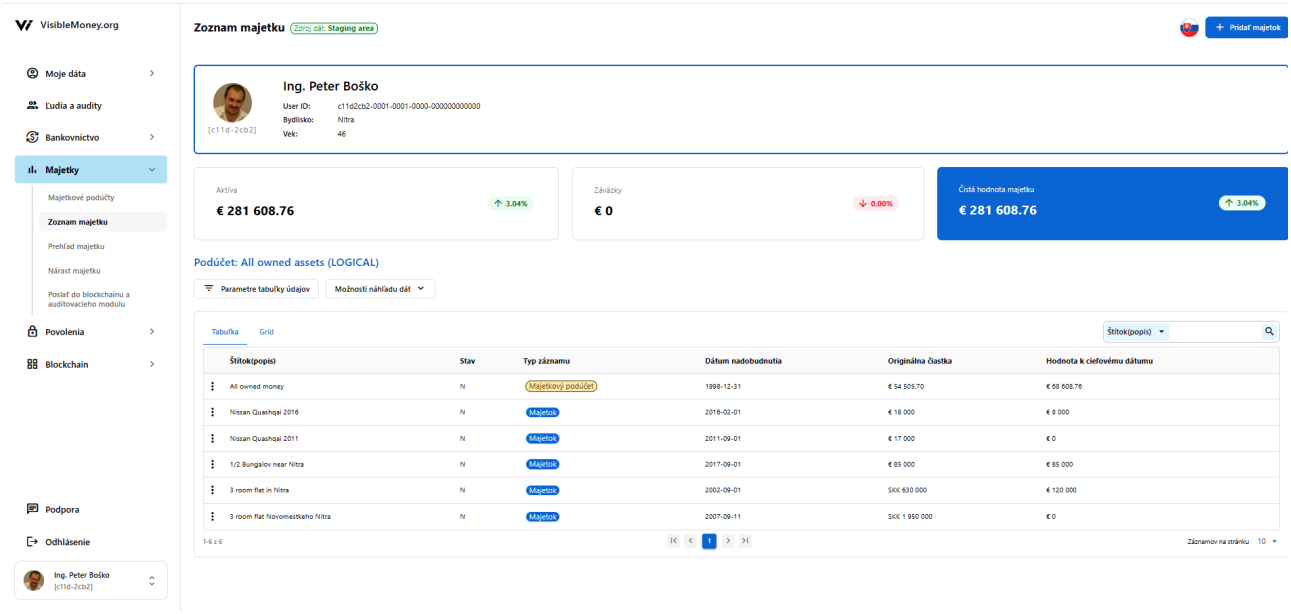
Модуль аудита в приложении, позволяющий комментировать отдельные данные

29 Блокчейн-функции проекта

С самого начала проект строится на технологиях и с таким уровнем защиты, которые потенциально позволили бы ему выполнять роль центральной расчётной системы общества, описанной Уолшем в его книге. Задача блокчейна в системе — гарантировать подлинность данных и исключить ситуацию, когда какие-то сведения просто удалят или изменят на уровне базы данных. Ведь блокчейн как технология представляет собой базу данных, в которой всё однажды записанное остаётся навсегда, словно высеченное в камне. Изменить в блокчейне что-либо задним числом, не нарушив целостности данных, технически невозможно. Если такое всё же произойдёт, это сразу обнаружится при первой проверке.

Поэтому все важные данные системы вскоре после появления поступают в блокчейн-подсистему. В ней каждый элемент данных преобразуется в текстовый вид — представление в формате JSON. Затем хеш этого текстового значения записывается в блокчейн. Поскольку необходимо гарантировать возможность удаления данных в соответствии с GDPR, в блокчейн поступают не полные текстовые значения, а только их хеши SHA256. Если пользователь заявит, что хочет выйти из проекта, и потребует безвозвратно удалить его данные, мы сможем это сделать. Блокчейн-часть при этом трогать не нужно: в ней хранятся лишь хеши значений, а не сами значения. А без исходного значения, из которого хеш был вычислен и которое мы удалим, этот хеш бесполезен.

О способе учёта данных в системе следует добавить ещё одно: любое обновление в блокчейн-части происходит так, что в базе создаётся новая версия соответствующего объекта вместе с отметкой времени. Допустим, 1.1.2025 человек записал в блокчейн, что купил автомобиль за 50 000 EUR, а через полгода изменил цену покупки на 80 000 EUR. Пользователь, проводящий аудит, потенциально сможет увидеть оба значения. Если он будет проверять снимок, созданный по состоянию на 1.1.2025, то увидит 50 000, а если на 1.6.2025 — 80 000 EUR. Внося данные, нужно помнить: всё, что однажды попало в блокчейн, остаётся в нём навсегда.



Экран со списком имущества

30 Защита проекта от любых злоупотреблений, прежде чем он станет основой общества

Если проект зарекомендует себя настолько хорошо, что перевод на него всей жизни общества будет выглядеть разумным, ведущим специалистам планеты по компьютерной безопасности придётся пересмотреть весь подход к нему. От порядка разработки до того, как сотрудники бэк-офиса просматривают данные в системе, и до использования разработчиками SQL-клиента в рабочей базе данных при расследовании неполадок.

Должно действовать правило: каждый просмотр данных фиксируется на системном уровне, причём отключить эту регистрацию невозможно. Будь то аудит средствами приложения, просмотр данных сотрудником бэк-офиса или SQL-запрос, выполненный через SQL-клиент в рабочей базе. О каждом таком обращении владелец данных должен иметь возможность узнать через приложение.

Методики работы — например, порядок поиска ошибок в приложении — должны будут предусматривать, в частности, обезличивание данных, выгружаемых из рабочей системы для устранения неполадок. Вместе с командой я разрабатываю приложение, которое позволит экспортировать данные определённого пользователя из одной базы, а затем импортировать их, например, в тестовую среду, чтобы воспроизвести состояние рабочей системы. В таком инструменте должны быть очень тщательно проработаны средства обезличивания выгруженных данных. Вероятно, переносом данных в тестовую среду придётся заниматься специальной команде, действующей по чётко установленным методикам.

Сейчас я не настолько большой специалист по компьютерной безопасности, чтобы с ходу выдать готовое решение, как именно всё должно быть защищено. Потому и пишу, что такую проверку безопасности проекта должны проводить специалисты. Предлагаемые меры должны получать оценку других специалистов и последовательно дорабатываться до тех пор, пока все не согласятся, что защита достаточна даже для проекта такого значения.

Недооценка этого шага может привести к катастрофе библейского масштаба. Поэтому необходимо безоговорочно настаивать на согласии относительно уровня защиты и ни при каких обстоятельствах ничего не недооценивать. За безопасностью проекта следует наблюдать и оценивать её непрерывно, учитывая все актуальные знания и новейшие достижения информатики и человеческого познания.

Журналы обращений к данным системы следует регулярно проверять, выясняя обоснованность причин, по которым эти обращения происходили. Вероятно, прежде чем состоится любой просмотр, потребуется пройти определённую бюрократическую процедуру, которая сделает его правомерным.

Разработать такие процедуры и правила работы с реальными данными проекта так, чтобы в них не осталось лазеек, наверняка будет непросто. Но я не сомневаюсь: если за дело возьмутся нужные люди, начнут происходить чудеса. Если один человек смог придумать и воплотить нечто вроде Bitcoin, то для лучших специалистов такая задача по сравнению с децентрализованной криптовалютой будет детской забавой.

Что касается безопасности блокчейн-технологии после возможного появления квантовых компьютеров, которые потенциально смогут вычислять, какими должны быть данные, чтобы дать определённый хеш, то, на мой взгляд, эту проблему будет легко решить с помощью нескольких хешей для нужных данных. Вместо одного хеша будут храниться,

например, три: для значения Peter первый хеш вычисляется из строки Peter, второй — из строки Peter1, а третий — из строки Peter2. Квантовый компьютер, возможно, найдёт, как изменить входные данные, чтобы первый хеш совпал с хешем строки Peter. Но он уже не найдёт, как изменить строку так, чтобы совпали одновременно хеши для Peter и Peter1, потому что такой комбинации, вероятно, уже не существует. Наверное, можно точно рассчитать, сколько хешей нужно, чтобы всякий раз надёжно исчерпывать пространство реально возможного и подходящие сочетания хешей становились невозможны просто потому, что их не существует.

31 Президентские выборы

В начале 2023 года я решил воспользоваться окном возможностей: в феврале 2024 года в Словакии проходили президентские выборы, а в июне 2024 года — выборы в Европейский парламент. Завершить проект к парламентским выборам осенью 2023 года я никак не успевал, в том числе потому, что они оказались неожиданными — досрочными.

Я надеялся убедить нескольких честных кандидатов в президенты опубликовать через приложение сведения о своём имуществе. На работе как раз происходили какие-то перемены в проектах, и, поскольку в компании с трудом подыскивали мне следующую задачу, я предложил взять полугодовой неоплачиваемый отпуск, чтобы закончить «Видимые деньги» и подготовить их к президентским выборам.

С деловой точки зрения президентские выборы закончились для меня неудачно. Мне не удалось убедить никого зарегистрироваться в системе и опубликовать сведения об имуществе. Некоторое время со мной общался человек, видимо, помощник Ивана Корчока, но в итоге всё сошло на нет. Возможно, это было и к лучшему: тогда приложение выглядело непривлекательно, да и функциональность ещё хромала. По сути, можно было составлять лишь статические декларации об имуществе — перечислять то, чем человек владел на определённый момент.

После нескольких месяцев перерыва пришло время возвращаться к работе на итальянцев. Но выяснилось, что в проектах произошли изменения и работы для меня нет, несмотря на прежнюю договорённость. Пришлось искать её в другом месте. Примерно после полугода поисков я устроился в другую международную корпорацию — работать над банковской системой, тоже старшим разработчиком Oracle, специалистом по базам данных.

Зато в самом проекте произошёл огромный положительный сдвиг. Мне удалось найти талантливую дизайнерку, которая сделала систему человечнее. Наконец она стала выглядеть так, как должна. Я также изменил функциональность: учёт имущества стал более тщательным, появилась возможность составлять не только статическую, но и углублённую декларацию. Из неё можно было узнать, например, сколько человек заработал на продаже недвижимости, которой уже не владеет. Появилась также возможность учитывать сделки с криптовалютами и отслеживать во времени, например, изменение и погашение ипотечного кредита. В мае 2025 года приложение наконец достигло состояния, за которое мне действительно не приходилось стыдиться.

Что касается маркетинга, я начал рассылать спам о существовании проекта и его миссии, например депутатам Европейского парламента. В нём, кажется, более 700 членов. Из 700 отправленных писем по ссылке на сайт перешли примерно 6 евродепутатов. Два помощника евродепутатов даже что-то мне ответили. Об одном из них я прочитал, что у него пророссийские симпатии, — с таким человеком я не хотел иметь ничего общего. Другой, чешский евродепутат, пожелал мне успехов с проектом, но, когда я предложил ему составить в системе декларацию об имуществе, общение сошло на нет.

32 Политические амбиции

Я начал понимать, что у проекта нет шансов на развитие, если я сам не подам пример и не покажу остальным, как на самом деле честно заниматься политикой: руководствуясь простым здравым смыслом, при полной прозрачности и, что не менее важно, в глобальном масштабе.

Поэтому я решил хотя бы неформально основать политическую партию, которая будет стоять на этих трёх столпах.

Первый столп — здравый смысл

Первый столп представлен в документе, описывающем подход новой партии к общественным вопросам, которые сегодня у всех на слуху. Над некоторыми вещами, о которых там написано, я размышлял всю жизнь. Я старался вложить в эти тезисы всю мудрость, которую когда-либо усвоил. Не думаю, что к затронутым вопросам можно подойти разумнее, чем это сделано в документе. В нём я учитываю, например, что существуют вопросы, которые обычному смертному просто не под силу правильно решить без вспомогательного аппарата. Поэтому я предлагаю создать общепланетарный совет, который займётся на первый взгляд трудноразрешимыми этическими вопросами человеческого сосуществования. Решения такого совета должны быть обязательными для всех правительств мира. Ведь если он придёт к согласию по какому-либо вопросу, это будет гораздо более компетентное заключение, подкреплённое всем его авторитетом и всеми доступными ему средствами. К тому же оно будет беспристрастным, объективным и свободным от популизма. Я, например, обратился бы в такой совет с вопросом о том, следует ли и при каких условиях позволять людям иной сексуальной ориентации усыновлять ребёнка.

Ни один политик не может разумно решить подобный вопрос, просто сидя за письменным столом. Чтобы выработать методику, определяющую, когда и при каких обстоятельствах однополым парам разрешать или не разрешать усыновление, необходимо тщательно изучить множество случаев, когда оно оказалось удачным, и случаев, когда всё закончилось плохо. Лишь исследовав достаточно успешных и неудачных примеров, можно разработать порядок действий для разных обстоятельств. Он может включать психологическую и сексологическую оценку будущих родителей, а также всевозможные длительные процедуры, которые претендентам могут быть неприятны. Но если желание такой пары создать почти полноценную семью искренне и серьёзно, пройти эти процедуры для неё не составит проблемы. Когда же политик, сидя за столом и полагаясь лишь на собственное чутьё, решает, что кто-то не имеет права на полноценную семью только из-за сексуальной ориентации, это признак примитивного упрощенчества и популизма, которым не место в современном обществе.

Другой пример нетрадиционного подхода — отношение к мигрантам и миграции. Я считаю, что человеку, которому повезло родиться в развитой части мира, это даёт не только права, но и обязанности. Одна из них — пользуясь своим благополучным положением, протянуть руку помощи другому существу, если это необходимо. Проблемы с мигрантами, например их плохую интеграцию в общество, благодаря «Видимым деньгам» будет легко решать. В новой стране мигрант находится на положении гостя и должен играть по правилам своего нового дома. Иначе принимающая страна оставляет за собой право ему отказать. Одним из таких правил может стать, например, требование, чтобы мигранты участвовали в

«Видимых деньгах» с самой строгой степенью финансовой прозрачности. Это означало бы, что все экономические операции такого человека находятся под пристальным вниманием окружающих. Стоило бы ему купить пневматическое ружьё для стрельбы по воробьям, как окружение подняло бы шум и ему пришлось бы объясняться. Под таким контролем мигранты стали бы лучшими мигрантами в мире.

Другие доводы в пользу миграции, например сокращение численности населения, общеизвестны. Но я не собираюсь ими размахивать, потому что, на мой взгляд, планета, особенно после того, как наука решит вопрос человеческого бессмертия, столкнётся с противоположной проблемой. Если люди перестанут умирать от болезней и старости, ей придётся справляться с перенаселением, а не с нехваткой людей.

Второй столп политической партии — глубокая прозрачность

Второй столп — глубокая прозрачность — будет в значительной мере опираться на проект «Видимые деньги». Каждый член новой партии должен будет составить в нём углублённую декларацию об имуществе, которую проверит либо вся общественность, либо, как минимум, заслуживающее доверия окружение политика. Если проект оправдает себя, думаю, будет уместно рассмотреть законодательство, обязывающее публичных политиков поддерживать в нём актуальные сведения о своём имуществе. Более того, они должны оставаться участниками проекта пожизненно, в том числе после ухода из политики, чтобы можно было заметить возможные сомнительные имущественные потоки, даже если те возникнут позднее. Долгосрочная цель проекта — участие всех людей, а не только политиков. Лишь тогда его действие проявится в полной мере. Однако, по крайней мере поначалу, многие не отнесутся к этому с пониманием. Сначала необходимо будет проверить положительные результаты проекта. Очевидные первые участники такой проверки — политики и люди, получающие деньги из общественных средств, поскольку именно для них доказуемая неподкупность особенно важна. Ясно, что поначалу проект будет страдать от множества ошибок и недостатков, но, надеюсь, для того и будет существовать моя команда, чтобы устранять их и двигать проект в нужном направлении.

Третий столп — глобальный масштаб

После того как торговля и экономическая жизнь на планете стали глобальными, пора стать глобальной и политике. Стыдно, что в эпоху, когда человечеству удалось перевести познание в цифровую форму, создав искусственный интеллект, у нас до сих пор нет официального политического представительства планеты в целом. У Организации Объединённых Наций практически нет реальных политических полномочий, и благодаря этой беззубости политики в отдельных странах делают что хотят. Само существование в XXI веке войн между народами или группами населения — позор.

Современная политическая сила, стремящаяся объединить человечество, должна работать примерно по тем же принципам, что и глобальные компании, например Mc Donalds. Как в центральном офисе Mc Donalds разрабатывают продукты, которые затем продаются по всему миру, так и у глобальной политической партии должен быть центр, создающий наилучшие политические продукты. Каждый актуальный вопрос, требующий решения, этот центр будет брать на себя и готовить решение как можно лучше — руководствуясь здравым смыслом, строго по существу и без популизма. Поскольку местные политики этой партии в разных странах будут обязаны придерживаться позиции центра, искушение прибегнуть к

популизму и нежелательной импровизации ослабнет. Если в мире существует какая-то проблема, над её решением должна собраться команда лучших специалистов в соответствующей области и определить, как с ней справиться. Такая команда всякий раз должна предлагать наиболее разумное решение, обязательное для местных политиков. Это избавит от ненужного изобретения велосипеда: на местном уровне будут просто брать из центра готовые подходы. И создадут их лучшие умы планеты в соответствующей области. Без нежелательного популизма и всегда в согласии со здравым смыслом.

Позднее, когда местные партийные структуры достаточно разовьются, выработка единой позиции перейдёт от центра к своего рода внутрипартийному совету, состоящему из руководителей отдельных местных отделений. Он станет чем-то вроде мозга внутри мозга планеты.

Такое устройство мира, на мой взгляд, и называют Новым мировым порядком. В теориях заговора его изображают некой мрачной диктатурой, призванной поработить человечество. В действительности же, я думаю, всё ровно наоборот. Новый мировой порядок — это новый способ жизни человечества в экономическом, социальном и политическом отношении. Способ, при котором ключом к честному и справедливому сосуществованию становится общественная система, основанная на либеральной демократии и дополненная почти полной прозрачностью финансовых и имущественных потоков. Такое изменение устройства, по-моему, необходимо, чтобы человечество даже в условиях нынешних технологий могло относительно безопасно развиваться и расти дальше.

33 Фрагменты личного блога

Diebus solitudinis

Дни одиночества, или Nothing else matters.

Когда ясность собственного ума побуждает к ясным поступкам.

Когда ты один, словно левая нога, знаешь: где-то есть и правая.

Мы — люди на берегу реки; быть может, об этом знают уже века?

У реки ведь должно быть два берега. Я с радостью войду в неё нагим.

Назад, к поре, когда мать матери крестила. И верой жизнь освятила.

В храме — вся тяжесть этой утраты; в глубине души не уплачу без расплаты.

Стремительная ясность этих строк вплетёт в сердце источник живой воды.

Во имя Отца, Духа, Сына — хрустальным оком истину видит.

В том зеркале — чистота; образы несомненно становятся жизнью.

И вот ты в эту самую минуту стал живым.

Катка Кнехтова — Spomaľ — необычный диалог

Она: За чем-то сказочным, в сады, где нет креста.

Куда ты мчишься без оглядки? Я не поспеваю за тобой.

Сбавь ход — твоя скорость слишком велика, я ощущаю её лишь шестым чувством.

У меня кружится голова.

Я спешу рядом с тобой, и с меня уже хватит напрасных штрафов.

Мне стоит бояться?

Он: Нет, милая, бояться тебе точно не нужно.

Хотя немного страха, может быть, и не повредит.

Рождается нечто прекрасное.

Страна, а скорее целый мир, где больше нет никакой боли.

Мир, где человек свободно дышит.

Мир, где человек вечно молод.

Мир, где человек занимается тем, что ему по-настоящему нравится.

Один сочиняет музыку, другой раздаёт мороженое на площади.

Третий посвящает жизнь воспитанию своих детей.

Чтобы лучше чувствовать, как летит время.

Лишь должен пообещать перед алтарём, что с их матерью они будут образцовой парой, пока дети не вступят во взрослую жизнь.

Мир, где ценности перестали измерять деньгами, мир, где человеческое счастье честно берегут.

Где больше нет болезней, где человечество избавится от неволи.

Мир, где больше нет нужды, где человек тратит силы лишь на то, в чём действительно есть любовь, —

на семью, счастье, веру и всё, что придаёт ему смысл.

3 фундаментальных вызова современному человечеству и мой ответ на них

3 вызова нашего времени, которым я решил посвятить свои силы. От изменения правил общества через вечную жизнь до продвижения в онтологии бытия.

Вызов № 1 — Небольшое изменение правил, по которым живёт общество, с огромным влиянием на эффективность человеческого сосуществования: введение видимых денег

По профессии я программист. В программировании нередко бывает так: вы создаёте для заказчика определённую функциональность, добиваетесь, чтобы всё работало как надо, а затем обдумываете задачу ещё раз. Но теперь у вас уже есть опыт, которого не было в начале, и, если позволяют обстоятельства, вы пишете всё заново — на этот раз гораздо более продуманно. Ведь вы уже знаете, какие трудности встретятся на пути, какие исключения должна учитывать ваша система и так далее. Этот процесс называется рефакторингом. И последний, кто проводил такой рефакторинг, охватывая взглядом устройство общества в целом, — Иисус Христос, 2000 лет назад. Прошло 2000 лет, и за это время никто не задумался о лучшем, более продуманном устройстве человеческого общества. Слова Христа: «Кто из вас без греха, первый брось на неё камень» и «Во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» — были шагом вперёд по сравнению с десятью заповедями Моисея. Но со времён Назарянина общественные правила развивались более или менее сами собой. Я хочу сказать, что, возможно, после 2000 лет накопления опыта пора отступить на шаг и попытаться предложить, как человеческое общество могло бы жить лучше. Ответ на вопрос, каким должно стать общество третьего тысячелетия, я впервые увидел у американского автора Нила Доналда Уолша, в книге «Беседы с Богом 2». Я прочёл её в середине 90-х, когда в Словакии бушевал дикий мечьяризм и шла борьба за приватизируемое имущество. В сущности, вся идея предельно проста. По словам автора, в развитых обществах — то есть там, где никто не хочет ничего получить за чужой счёт, — деньги просто полностью прозрачны и видимы. Иными словами, каждый может узнать и в любой момент проверить, у кого сколько денег, какое имущество и какие финансовые потоки. Как специалист по информатике, я понял, что это можно воплотить, создав банковскую систему, которая будет содержать такие сведения и предоставлять их, одновременно служа центральным расчётным центром всего общества. Если вам приходит в голову тысяча причин, почему, по вашему мнению, это не может работать, попробуйте сначала заглянуть на https://viditelnepeniaze.sk: я разобрал там эту идею со всех сторон, сверху и снизу. Можете также подписаться по электронной почте на рассылку: для меня она служит важным мерилом того, удаётся ли мне заинтересовать общественность.

И всё же, подводя итог, скажу: переход всего общества на прозрачную финансовую систему, в которой деньги, имущество и их движение полностью видимы, может оказаться не просто улучшением жизни человечества в целом, но даже необходимостью. Он позволит ввести механизмы контроля в самых уязвимых точках общества, защита которых может быть критически важна и о которых классический капитализм совершенно не заботится. Самый очевидный пример, который приходит мне в голову: благодаря видимым деньгам можно было бы гораздо лучше контролировать, чем на самом деле занимаются, скажем, биологические лаборатории, способные создать новый смертельный вирус.

Вызов № 2 — Прогресс медицины, который позволит лечить все болезни и даже старость: достижение вечной жизни

Самая большая предпринимательская возможность нашего времени, на мой взгляд, — не беспилотные электромобили, а нечто, отвечающее потребностям каждого человека куда более личным, сокровенным образом, чем какая-нибудь крутая материальная вещь. Прогресс всех наук освещает путь к тому, что рано или поздно станет реальностью. Я имею в виду достижения медицины. Причём не только лечение болезней. От способности вылечить любую болезнь остаётся лишь маленький шаг до того, чтобы обратить вспять биологические процессы в организме: остановить старение или даже повернуть назад ход биологических часов человека.

Как специалист по информатике, я вижу в решении этой проблемы, касающейся каждого без исключения, огромный простор для применения программных технологий. Проблема медицины — в обратной связи. Врач в действительности никогда не может со 100 % уверенностью сказать, как именно ваш организм отреагирует на лекарство. И тем более — какие побочные эффекты возникнут, если принимать его 10 лет подряд. Программные модели тела могли бы решить эту проблему. Ведь программная модель человеческого тела — это система, способная вычислить, как определённая часть организма поведёт себя при заданных внешних условиях. Такая виртуализация человеческого тела станет Святым Граалем медицины. Благодаря возможности проверять, как организм отреагирует на разные химические вещества или лечение, врачи получат инструмент, позволяющий в совершенстве управлять каждой его клеткой.

Собственное здоровье живо интересует каждого, и любой сдвиг в этой области будет вознаграждён огромным предпринимательским успехом. Возможно даже, что общий искусственный интеллект удастся создать скорее путём моделирования химии и процессов человеческого мозга, чем путём построения искусственных нейронных сетей.

Связывая вывод из этого вызова с заглавием всей статьи, скажу: если бы на первом шаге мне удалось заработать достаточно денег, чтобы оплатить исследования по второму направлению, пусть даже на несколько десятилетий, задача могла бы быть решена. Я понимаю, что независимо от меня этой возможностью воспользуются способные предприниматели. Но, подойдя к делу системно и не выпуская из виду конечную цель, я наверняка смог бы сократить весь путь на несколько лет. Для людей моего поколения это может означать разницу между жизнью и смертью. Поправлюсь: между вечной жизнью и смертью.

Я думаю, что всю идею можно воплотить за 20 лет примерно так же, как удалось прочитать человеческий геном. На рубеже тысячелетий стоимость расшифровки генома одного человека оценивали в миллиард долларов. Через 20 лет генетическое секвенирование уже предлагают на коммерческой основе за 1000 евро. Описанная мною задача, конечно, на порядок сложнее, но и решать её можно с помощью технологий, которые на 20 лет новее.

Вызов № 3 — Продвижение в онтологии бытия: получение 100 % доказательства того, что внешний мир и окружающие люди столь же реальны, как и я; решение проблемы одиночества

Этот вызов касается особенности жизни и бытия, которая, на мой взгляд, является одновременно величайшим проклятием и величайшим благословением человека и бытия как такового. Полагаю, многим будет трудно понять этот абзац. Мои ровесники по большей части

с головой заняты заботой о тех, кто от них зависит, — я имею в виду родительство. Когда у человека такие заботы, к концу дня он рад уже тому, что день прошёл, и подобные праздные размышления о бессмертии майского жука кажутся ему бессмысленными и ненужными. Но ситуация резко изменится, если задача второго пункта действительно будет решена и люди смогут жить неограниченно долго. Дети вырастут и уйдут; возможно даже, из-за ограниченных ресурсов планеты нельзя будет иметь неограниченное число детей, как сегодня. Завершив начальный этап жизни, люди будут заводить новых детей лишь в исключительных случаях. У них появится больше времени для самоанализа и наблюдения за собственным внутренним миром.

Поскольку эта часть статьи, скорее всего, окажется чрезмерно личной, было бы уместно рассказать о моём положении. Мне 42 года, из-за рассеянного склероза я прикован к инвалидной коляске, и, вероятно, болезнь ещё не сказала последнего слова. При таких обстоятельствах нужно быть немного безумным, чтобы решиться создать семью. Я пытаюсь объяснить, что моя жизненная ситуация довольно необычна и, возможно, я размышляю о вещах, к которым человеческая мысль обычно не обращается.

Человек может быть абсолютно, на 100 %, уверен в очень немногих вещах. Одна из них, входящая в этот привилегированный список, — слова Рене Декарта: «Мыслю, следовательно, существую». Если действует элементарная логика, то из непосредственно переживаемого факта — того, что человек мыслит, — неизбежно следует: он должен быть реальной сущностью, раз порождает мышление. Подавляющее большинство других вещей в жизни бесконечно далеко от той уверенности, с которой человек знает о собственном бытии. Восприятие и реальность могут расходиться так же сильно, как ощущения человека, видящего лишь тени в знаменитой пещере Платона, расходятся с действительностью. Об окружающем мире человек может знать только то, что сообщают ему органы чувств. Если в восприятии есть изъян — например, вы дальтоник, — вам никогда не понять, как видят мир здоровые люди. Теоретически внешний мир может вообще не быть реальным: достаточно, чтобы он казался таким вашим чувствам. Иными словами, у человека нет никакого доказательства реальности окружающего; всё вокруг может быть нереальным, если чувства непрерывно его обманывают. Мне кажется, величайший качественный скачок в восприятии, который, возможно, доступен человеку, — обрести столь же надёжную уверенность, как знание о собственном существовании: уверенность в том, что всё дорогое ему во внешнем мире действительно столь же реально, как он сам. Если мне удастся обрести такую уверенность во внешнем мире, я просто сяду и буду три дня плакать от облегчения. Чрезвычайно страшно и тягостно, что у нас нет никакой уверенности даже в самом существовании того, что для нас дороже всего.

В начале этого раздела я написал, что отсутствие уверенности в окружающем мире — не только величайшее проклятие человека, но и благословение. Благословение — потому, что научное продвижение в этом вопросе может привести к возможности, так сказать, похищать саму индивидуальность сознания. Нынешний миллиардер никогда не сможет съесть миллиард гамбургеров и получить от них столько же пользы, сколько в сумме получат миллиард отдельных людей, съевших по одному. Если удастся, так сказать, похитить сознание другого человека и тем самым убедиться, что он так же реален, как и вы, возможно, удастся совокупно переживать удовольствия людей, чьи сознания вы похитили. Поэтому такой научный прогресс может оказаться обоюдоострым оружием.

Заключение

Я описал три вызова, которым решил посвятить свою энергию, если хватит сил и воли. Над первым я исподволь размышляю ещё с середины 90-х. Конкретные шаги к введению видимых денег я начал предпринимать примерно год назад, создав сайт, посвящённый этой идее, и приступив к разработке программного обеспечения, на котором могла бы работать система видимых денег. Второй вызов связан с возможным успехом первого. Если первый принесёт финансовый успех, я вложу необходимую часть имеющихся средств в разработку программных моделей человеческого тела.

Третий вызов — единственный, в котором пока не видно света в конце туннеля. Он зависит от научного прогресса, который невозможно предсказать: тот может ждать за ближайшим поворотом, а может отстоять от нас на тысячелетия. Впрочем, примерно так же человек XVIII века оценил бы возможности нынешних мобильных телефонов и интернета.

Как действует карма

Чтобы понять, как устроены некоторые вещи в жизни, по-моему, необходимо разобраться в том, как действует карма. Это вовсе не значит, что на облачке в небе сидит дедушка и записывает в блокнот, кто, когда и что хорошее или плохое кому сделал, а потом при случае наказывает людей сообразно их прежним поступкам.

Скорее, я думаю, в этом жизненном механизме бумеранга гораздо большую роль тоже играет наше восприятие от первого лица. Именно мы сами и наше сознание прекрасно знаем, когда и кому сделали что-то плохое или хорошее. Если итог оказывается отрицательным, наше подсознание притягивает в жизнь дурное, и наоборот.

Если в жизни происходит что-то отрицательное — например, прерывание беременности, — то, даже если в момент принятия такого решения человек считает, что внутренне примирился с последствиями, в долгосрочной перспективе это может оказаться заблуждением с катастрофическими результатами. Считаем ли мы умерщвление человеческого плода таким же проступком, как убийство живого человека, или всего лишь не влекущим последствий прекращением жизни некой бесформенной биологической массы, которая иначе разрушила бы нашу жизнь, — впоследствии мы можем оказаться в обстоятельствах, меняющих наш взгляд. И даже маловероятно, что этого не произойдёт. С определённой точки зрения аборт может восприниматься как преступление во много раз страшнее убийства другого человека. Ведь на него можно взглянуть как на убийство собственного ребёнка. Чтобы было ясно, что я хочу сказать: одного того, что на это можно посмотреть как на убийство собственного ребёнка, вполне достаточно, чтобы неизбежно разрушить жизнь. В своей жизни я близко знал четырёх человек, совершивших нечто подобное. Трое были настолько парализованы последствиями, что неверно оценивали совершенно простые ситуации и превращали жизнь окружающих в ад. У такого человека словно вырастает перед глазами огромная преграда, мешающая объективно видеть мир. Что бы он ни делал, на это прежде всего влияет стремление привнести в любую ситуацию совершенно не относящиеся к делу элементы, главная цель которых — как-то оправдать совершённый им проступок против жизни.

Итак, подводя итог: решиться на нечто вроде аборта — значит пойти на шаг, способный глубоко и отрицательно повлиять на жизнь. Даже если из сегодняшнего дня он выглядит хорошим, прагматичным выбором, который позволит сохранить привычное благополучие. В подавляющем большинстве случаев это сделка с дьяволом: человек, так сказать, отказывается от чистой совести в обмен на кажущуюся удобной жизнь. Всё это следовало бы в обязательном порядке подробно объяснять, особенно молодым женщинам, которые собираются на такой шаг. Действенной мерой, помогающей понять возможные последствия, могло бы стать, например, обязательное пребывание в течение некоторого времени в отделении новорождённых. Если после столь подробного разъяснения последствий и встречи с новой жизнью в таком отделении женщина всё же будет настаивать на своём решении, значит, её причины, по-видимому, настолько серьёзны, что к её решению следует отнестись с уважением.

Размышление о том, почему Вселенная должна быть конечной

Этому рассуждению далеко до строгого доказательства, но я всё же думаю, что по ходу мысли в нём обнаружатся вещи, которые полезно знать.

Альберт Эйнштейн когда-то сказал, что Вселенная и человеческая глупость бесконечны, хотя насчёт первой он не уверен. В этой статье я попытаюсь доказать, что в отношении Вселенной Эйнштейн ошибался.

Представим, что Вселенная действительно бесконечна. Тогда в любой её точке можно было бы сказать, что на расстоянии квинтиллиона квинтиллионов световых лет существует планета Земля 2, а на ней — Петер Бошко 2. Если её нет на расстоянии квинтиллиона квинтиллионов лет, она может оказаться ещё на квинтиллион квинтиллионов квинтиллионов лет дальше. Будь Вселенная бесконечной, наши возможности продолжать поиски Бошко 2 тоже были бы бесконечны и потому обречены на успех. На бесконечное число успехов. При этом Петер Бошко 2 был бы настолько технологически развит, что мог бы с такого расстояния прислать мне 500 EUR прямо в руку, если я сейчас её протяну. Видите, до какого абсурда мы доходим? Описанного мною Петера Бошко 2 не существует, потому что пятисотевровая купюра только что не опустилась мне на ладони.

Чтобы всё расставить по местам, нужно уточнить: это доказательство неявно использует два предположения.

Бесконечной я считаю такую Вселенную, в которой без конца повторяется распределение материи, известное нам по наблюдаемой части видимой Вселенной. На всём её бесконечном протяжении распределение материи должно быть более или менее случайным и допускать существование знакомых нам галактик и звёздных систем. Если же Вселенная похожа на наблюдаемую нами лишь до определённого, пусть даже огромного расстояния, а за этой границей находится, например, только пустое пространство, такую Вселенную я считаю конечной.

Предполагается, что при достаточном развитии технологий физически возможно каким-то образом произвести материальное воздействие на огромном расстоянии — например, телепортировать ко мне банкноту с любого расстояния. Если первый Петер Бошко 2 находится в 10^100 световых лет от меня, но из-за недостаточного технологического развития не может прислать банкноту, это никак не влияет на моё доказательство: я просто продолжаю искать следующего, который к тому же будет обладать нужной технологией. Единственное, что требуется для справедливости моего доказательства, — физическая возможность при помощи какой-нибудь сверхразвитой технологии отправить банкноту на произвольное расстояние.

Вселенная не может быть бесконечной, потому что элемент бесконечности порождает доказуемый абсурд, например отправку банкноты, которая, как можно убедиться, не происходит. Но банкнота — лишь один заведомо нелепый пример, иллюстрирующий нелепые последствия бесконечной Вселенной. В действительности круг того, что должно было бы происходить, гораздо шире. По сути, должно было бы случаться всё, что я могу и не могу вообразить, причём не только со мной, но и во всей Вселенной. Если бы она была бесконечной, повсюду должно было бы происходить всё, что вообще может произойти. А это уже определение небытия. И вот оно в действительности бесконечно.

Единственный аспект бытия, которому в некотором смысле присуща бесконечность, — тот факт, что я осознаю самого себя. Или, если угодно, что наделённые сознанием существа осознают самих себя. Но о них я знаю лишь косвенно, а о себе — со 100 % уверенностью, потому что это происходит непосредственно во мне.

Но об этом, возможно, как-нибудь в другой раз

Архитектура системы «Видимые деньги» (VP) — первая прозрачная банковская система, защищённая блокчейном 1

Некоторое время назад я опубликовал в своём блоге статью о том, как новшества из мира криптовалют могли бы коренным образом изменить отношение людей друг к другу. Коротко говоря, если бы в обществе личные деньги и имущество людей тоже стали до определённой степени прозрачными, это, вероятно, постепенно помогло бы решить подавляющее большинство проблем, порождённых извечной борьбой людей за ресурсы.

В сегодняшней статье я хотел бы подробнее остановиться на архитектуре системы, которую понемногу разрабатываю и которая отвечала бы требованиям к прозрачной расчётной системе для всего общества. Для начала понадобится небольшой технический экскурс в мир криптовалют.

Алгоритм хеширования как ключ к доказательству того, что всё обстоит именно так, как у вас записано, и с высокой степенью уверенности — никак иначе

В мире IT, особенно в области криптовалют, одно из ключевых понятий — так называемый алгоритм хеширования. Его наиболее распространённая разновидность, SHA256, — это алгоритм, которому можно подать на вход короткий текст или даже файл объёмом в несколько терабайт, а он создаст для этих данных строку длиной в 64 символа, выглядящую следующим образом:

Например, хеш SHA256 для текста «Peter» имеет такое значение:

ea72c79594296e45b8c2a296644d988581f58cfac6601d122ed0a8bd7c02e8bf

А для текста «Peter1» значение хеша SHA256 уже такое:

c2a455a6fba64a8aa2dabed5d193a6bd89813376c02ae40b86f56af6473d4323

Как видите, два значения, возвращённые алгоритмом, совершенно различны и никак не связаны друг с другом. Дело в том, что хеш-функция работает по принципу так называемого лавинного эффекта. Изменение всего одного бита входной строки так сильно меняет результат, что итоговые значения оказываются полностью независимыми, хотя могли быть получены из похожих данных. SHA256 одинакова во всём мире IT: если кто-то говорит, что вычислил SHA256 для определённых входных данных, результат должен совпадать даже в совершенно другой операционной системе или при использовании другого языка программирования. Потому что порядок действий везде один и тот же.

У хеширования SHA256 есть и ещё одно свойство. Если вы передадите кому-то результат, например значение ea72c79594296e45b8c2a296644d988581f58cfac6601d122ed0a8bd7c02e8bf, но не скажете, что это хеш значения Peter, сам человек установить это не сможет. Единственный способ — предположить, что исходный текст был не слишком длинным и состоял, например, только из букв и цифр, а затем начать перебор. Сначала взять одну букву «a», потом добавить к ней b — получится «ab», — применить SHA256 к таким входным строкам и сравнивать результат с тем, что вы передали. И продолжать, пока не найдётся последовательность символов, дающая тот же результат. Иными словами, если бы вы вычислили хеш для такого текста:

{
“account_from”:”SK11 1100 0000 0000 2644 5963”,
“account_to”: ”SK15 1100 0000 0000 2677 5968”,
“amount”: 5000,
“currency”:”EUR”
}
(Пример полностью вымышлен, включая несуществующие номера счетов)

Получилось бы значение 7b4f22193ad7675da45be8d5e22f042b36cdc78c397f92dd572786dca61b326b. Допустим, человек захотел бы исправить этот текст, заменив сумму 5000 на 10000. Сделать это он, конечно, может, но ему будет крайне трудно изменить остальную часть транзакции так, чтобы в ней содержалась нужная ему сумма 10000 вместо 5000, а хеш всего текста при этом остался прежним. Данные, которыми он кормит алгоритм, просто станут другими, и ему потребуются миллиарды лет, чтобы найти такое изменение тела транзакции, при котором результат хеш-функции останется исходным, а сумма будет заменена на желаемую.

Это свойство хеш-функции используют следующим образом. Если вы передадите человеку текст, который он может где-то получить, например из базы транзакций, и одновременно сообщите, каким был хеш этого текста в момент его создания, человек сможет очень быстро проверить, изменился ли текст с тех пор, как вы вычислили исходный хеш. Именно эта проверка и считается доказательством того, что данные с момента вычисления хеша не менялись.

Блокчейн — использование хеш-функции на стероидах

В этой статье я затрону примерно 10 % того, что в действительности включает понятие блокчейна. Для объяснения архитектуры VP этого будет более чем достаточно.

Вскоре после появления Bitcoin вокруг блокчейна начался настоящий ажиотаж. Возникали компании, которые должны были специализироваться на его применении в разных областях IT, а консультанты начали добавлять к названиям своих должностей определения вроде Blockchain specialist и тому подобные. В итоге за пределами Bitcoin и криптовалют блокчейн практически не получил широкого применения. Я слышал о некоторых приложениях, где важно навсегда сохранить какую-то информацию — например, что определённый пациент принимал определённое лекарство, и так далее.

Так в чём же суть блокчейна? Криптовалюты решают задачу денег уникальным способом: валюта существует не в одной централизованной системе, расположенной в конкретном месте, а практически везде, где работает хотя бы небольшой подключённый к интернету сервер, поддерживающий её работу. Но, чтобы валюта функционировала без единого центрального сервера, нужно нечто, одинаковое на каждом таком небольшом компьютере и обновляемое с каждой транзакцией, совершённой на любом другом сервере. Одновременно необходимо решать, например, ситуацию, когда кто-то на двух серверах сразу задаёт перевод суммы с одного и того же счёта или кошелька. К этому добавляется необходимость как-то вознаграждать владельцев бесчисленных небольших серверов, на которых живёт ваша криптовалюта, и другие задачи. Блокчейн и есть то, что на этих серверах более или менее одинаково и содержит отдельные криптовалютные транзакции. Он состоит из блоков. Отсюда и название blockchain — цепочка блоков. Блоки состоят из совершённых в криптовалюте транзакций. Через регулярные промежутки времени блоки закрываются, а по

мере поступления транзакций создаются новые. Закрытие блока означает, помимо прочего, вычисление хеша для такого или похожего текста:

{
“previous_block_hash”:”42ca08014a7e842f8205d3979eb14a95c52bf9ffb41c6752efe7bb08114ba47e”,
“transaction1_hash“:“
fe6bc43fff796742bbee6adebec349a38323aed2de40d848aa9ed1428a451942“,
“transaction2_hash“:“
0965577d9c0f4316cf83d1be017627e0d180cc616ec9107ac497df84a4158f93“,
“transaction3_hash“:“
b5069c628dd914cc5f04035ced89781c0eb8efb27aed068b0921201598244565“,
…
“transaction900_hash“:“
ffd7236ababd2e21858c548f5a3c5bae1794fde4c358ebfef6dcf4bcf0bb5a05“
}

Хеш полного содержимого такого блока, включающего 900 транзакций, мог бы иметь, например, значение «341cbef34adc7235eee22efde368502f670254b97123fecfcb78ba892e7250b0». Затем при создании следующего блока это значение записывается в поле previous_block_hash. Так блоки связываются между собой и образуют условную цепь. У каждого блока, кроме самого первого, есть поле previous_block_hash со значением хеша предыдущего блока. В самом первом блоке туда помещают какое-нибудь значение, например текст «GenesisBlock», обозначающий характер нулевого блока. Какое именно значение туда записать, неважно: оно, конечно, повлияет на все последующие значения, но алгоритмам всё равно, а для человека один хеш ничем не отличается от другого.

Как я уже сказал, глубоко разбирать блокчейн в этой статье я не буду: во-первых, мне самому не до конца ясны некоторые подробности работы, например, Bitcoin, а во-вторых, для понимания того, что я хочу описать, это не нужно.

В централизованных системах, например банковских, деньги живут в какой-нибудь огромной базе данных. В ней банк хранит, скажем, список клиентов; затем идёт таблица их счетов, где для каждого счёта указано, кому он принадлежит и сколько на нём денег. Обычно есть и таблица транзакций со сведениями о том, с какого счёта на какой переводились деньги, о сумме, валюте и прочем.

Когда-то, кажется, в Праге прошла конференция, на которой ведущие представители банковского мира собрались подумать, есть ли у блокчейна применение в банковской сфере. Они пришли к выводу, что нет: блокчейн — слишком специфическая технология, которая решает, возможно, на первый взгляд похожие на банковские задачи, но совершенно иным способом.

Им не удалось найти сценарий, который показал бы, где банк мог бы использовать блокчейн.

Блокчейн в банковской системе? Только если вам нужно завоевать доверие всего мира

Однако у банков с клиентами особые отношения. Между ними существует элементарное доверие: если клиент в один день положит 100 EUR, а на следующий ещё 200,

то на третий он без проблем сможет забрать свои 300 евро. Если бы банк не справился со столь простой операцией с деньгами клиентов, он быстро лишился бы и репутации, и самих клиентов. Поэтому клиенты уверены, что ради сохранения своей репутации банк не станет произвольно менять их данные.

Но характер требуемого решения меняется, если представить, что вы хотите построить глобальную банковскую систему с таким уровнем безопасности, чтобы она могла без проблем служить глобальной расчётной системой всего общества. У неё по самой её природе будет много врагов, особенно если она окажется до определённой степени прозрачной. Как я выяснил, у идеи прозрачности личных денег много противников. И даже если участие в такой системе будет добровольным, в случае успеха однажды наступит момент, когда она станет бельмом на глазу для людей, которым мешает растущая прозрачность. Чтобы добиться успеха, такой системе нужны механизмы, позволяющие доказать, что её данные действительно таковы, какими должны быть, и никто не изменил их в чью-либо пользу или во вред кому-либо.

Именно здесь на сцену выходит блокчейн и даёт инструменты, позволяющие объяснить каждое значение в системе. Иными словами, всё важное, что в ней происходит, должно в той или иной форме попадать в блокчейн. Каждый новый блок необходимо немедленно копировать из нашей системы в систему третьей стороны. Подробного исследования я пока не проводил, но в принципе это должна быть служба наподобие Amazon Quantum Ledger. То есть нечто, куда я могу записать транзакцию, которая попадёт в блокчейн оператора этой системы, после чего у меня уже не будет никакой возможности вмешаться в историю однажды записанных данных. Более того, сама природа системы технически исключает такую возможность.

Все возникающие в системе транзакции будут помещаться в блоки, которые сразу после закрытия запечатываются и отправляются в систему третьей стороны, технически устроенную так, что однажды переданное в неё изменить невозможно. Благодаря этому можно будет добиться следующего: кто-нибудь укажет на любое важное значение в моей системе и скажет: «Докажи, что его не подделали, а получили в результате последовательности корректных транзакций, прошедших обычную обработку. А не так, например, что кто-то напрямую вошёл в базу данных и вручную изменил остаток с 5000 на 10000». Я смогу доказать, что вмешательства действительно не было. Или, в худшем случае, данные у меня не сойдутся, и это будет означать, что кто-то их изменил. Ведь в системе «Видимые деньги» каждая строка любой важной таблицы будет связана с транзакцией, а значит, и с блоком, которые её изменяли. Проверка будет выглядеть так: человек укажет, какой фрагмент данных я должен подтвердить. Простым запросом я выведу список транзакций, так или иначе менявших эти данные. Если применить содержимое всех этих транзакций к соответствующему объекту данных, должен получиться объект в том же состоянии, в каком он находится сейчас.

В следующей части цикла об архитектуре VP я объясню, как нужно разделять данные системы по их характеру, как они будут по-разному обрабатываться, попадать в блокчейн и как будут выполняться операции над соответствующими бизнес-объектами.